

О. Р. Айрапетов

Участие
Российской империи
в Первой
мировой войне

1914

Олег Айрапетов

**Участие Российской империи
в Первой мировой войне
(1914–1917). 1914 год. Начало**

Издательство «Кучково поле»

2014

УДК 93/94
ББК 63.3(2)524

Айрапетов О. Р.

Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). 1914 год. Начало / О. Р. Айрапетов — Издательство «Кучково поле», 2014

ISBN 978-5-9950-0402-8

Новое фундаментальное исследование известного российского историка Олега Рудольфовича Айрапетова по истории участия Российской империи в Первой мировой войне является попыткой объединить анализ внешней, внутренней, военной и экономической политики Российской империи в 1914–1917 гг. (до Февральской революции 1917 г.) с учетом предвоенного периода, особенности которого предопределили развитие и формы внешне- и внутриполитических конфликтов в погибшей в 1917 г. стране. Первая книга посвящена предыстории конфликта и событиям первого года войны.

УДК 93/94
ББК 63.3(2)524

ISBN 978-5-9950-0402-8

© Айрапетов О. Р., 2014
© Издательство «Кучково поле», 2014

Содержание

Вступление	5
Накануне австро-германской провокации	19
Сараевское убийство и первая реакция на него	29
Июльский кризис и начало Первой мировой войны	41
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Олег Айрапетов

Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). 1914. Начало

Вступление

Первая мировая война – одно из ключевых событий истории XX столетия. «Длинный XIX век», начавшийся Великой Французской революцией в 1789 г., подошел к концу в 1914 г. под радостные крики европейцев, которые слишком долго жили в мире. Последними крупными конфликтами в Европе были Франко-прусская война 1870–1871 гг. и Русско-турецкая война 1877–1878 гг. Столкновения на Балканах тогда еще не считались собственно «европейскими», но уже оказывали мощное влияние на противостояние великих держав в Европе и Азии. 1878 г. не в меньшей степени, чем 1871 г., вызвал к жизни процессы, приведшие в конечном итоге к 1914 г.

Франко-германский антагонизм, последовавший за подписанием Франкфуртского мира 1871 г., лишившего Францию Эльзаса, Лотарингии и 5 млрд золотых франков, уплаченных Берлину в качестве контрибуции, а также русско-австрийский антагонизм на Балканах, ставший особенно зримым после Берлинского конгресса 1878 г. и оккупации Боснии и Герцеговины Дунайской монархией в 1878 г., – все это стало основой германо-австрийского союза 1879 г., направленного против России и Франции. В 1882 г. к нему присоединилась Италия, недовольная захватом французами в 1881 г. Туниса, на который Рим имел собственные виды. Возник Тройственный союз. В 1883 г. через союз с Австро-Венгрией и Германией в этой комбинации стала участвовать Румыния. В Бухаресте были недовольны потерей Южной Бессарабии, которая в 1878 г. была возвращена России.

Столкновения русско-австрийских и русско-британских интересов в зоне Черноморских проливов стали опасно очевидны во время болгарского кризиса 1885 г. В том же году произошел русско-афганский пограничный конфликт на Кушке. Балканы и Средняя Азия разделяли Петербург с Веной и Лондоном, оккупированный англичанами в 1882 г. Египет – Лондон с Парижем, Тунис, Корсика и Савойя – Париж с Римом. Ничто так не способствует объединению разнородных сил, как общие враги. В 1887 г. сложилась Средиземноморская Антанта – союз Англии и Италии, направленный на соблюдение статус-кво в Средиземном, Адриатическом, Эгейском и Черном морях, к которому присоединилась и Австро-Венгрия. Его антирусская и антифранцузская направленность была очевидной – Лондон фактически отказался от политики «блестящей изоляции».

В этой обстановке добрые отношения с Германией приобретали особое значение для России. Попытка удержать их реализовалась в 1887 г. в «договоре о перестраховке». Петербург и Берлин обязались соблюдать благожелательный нейтралитет в случае войны одной из них с третьей державой. Это обязательство не относилось к войнам России против Австро-Венгрии или Германии против Франции, если они начнутся по инициативе Петербурга или Берлина. Договор заключался сроком на три года с автоматической пролонгацией в случае, если одна из сторон не откажется от него. Перестраховка была декларацией о намерениях сохранять баланс сил. Она исключала возможность атаки России силами стран, входивших в Средиземноморскую Антанту.

В 1888 г. на престол Германской империи вступил 29-летний Вильгельм II. Молодой кайзер недолюбливал властного «железного канцлера», доставшегося ему по наследству от деда, и предпочитал проводить собственную внешнюю политику. Отто фон Бисмарку было уже 73

года, с 1862 г. он возглавлял правительство Пруссии и с 1871 г. – Германской империи. В марте 1890 г. его сменил 59-летний генерал от инфантерии Георг Лео фон Каприви, исполнительный военный, не имевший собственных взглядов на внешнюю политику и четко выполнявший приказы императора. Новый канцлер отказался пролонгировать договор «о перестраховке». К этому времени подготовка к войне приобрела такой масштаб, что мир в Европе на самом деле был видимостью.

На старые антагонизмы накладывались противоречия в Азии и Африке. Шла бесконечная гонка вооружений – гигантское противостояние армий и флотов, средств обороны и наступления. Росла скорострельность стрелкового оружия, сокрушительная мощь орудий. Армии перешли на магазинные винтовки, стали использовать бездымный порох, мобильную тяжелую артиллерию, в 1890-е гг. на вооружении начали поступать пулеметы. Границы государств постепенно прикрывались кирпично-земляными, а затем броневыми и железобетонными крепостями. Баланс сил держался не только на мощи армий и флотов, но и на равновесии союзов. Теперь оно было нарушено.

Л. фон Каприви пытался компенсировать это словами. Он убеждал русского посла в Германии «передать г-ну Гирсу (министру иностранных дел России. – А. О.) его глубочайшее почтение и передать уверения, что он сделает все в интересах поддержания наилучших отношений между Германией и Россией. Говоря о князе Бисмарке, он якобы сравнил своего предшественника с атлетом, держащим на голове и в каждой руке по земному шару, он, Каприви, удовольствуется и тем, если ему удастся удержать в руках хотя бы два из них»¹. Потерянный им «шар» и был Россией. Следует отметить, что генерал жил под дамокловым мечом собственных угроз, в реализацию которых он внес немалый вклад. «Каприви был типичным генштабистом, – вспоминал гросс-адмирал Альфред фон Тирпиц. – Этот мало кому понятный человек жил и действовал, исходя из мысли, которую он в разговорах со мной часто выражал следующим образом: «Будущей весной у нас будет война на два фронта». Каждый год он ждал войны следующей весной»².

Л. фон Каприви не был одинок, подобные настроения царили среди германских военных. Начальник Большого Генерального штаба Гельмут фон Мольтке-старший также смотрел в будущее без оптимизма. 14 мая 1890 г. он обратился к депутатам рейхстага с призывом поддержать проект усиления мирного состава германской армии: «Господа, если война, которая уже свыше десяти лет висит над нашими головами как дамоклов меч, и если эта война, наконец, вспыхнет, то никто не сможет предугадать ее продолжительность и ее конец. В борьбу друг с другом вступят величайшие европейские державы, вооруженные как никогда. Ни одна из них не может быть сокрушена в один или два похода так, чтобы она признала себя побежденной, чтобы она была вынуждена заключить мир на суровых условиях, чтобы она не могла воспрянуть и возобновить борьбу. Господа, это, может быть, будет семилетняя, а может, и тридцатилетняя война, и горе тому, кто воспламенит Европу, кто первый бросит фитиль в пороховую бочку... Господа, мирные заявления обоих наших соседей, на востоке и на западе, – впрочем, неустанно продолжающих развивать свою военную подготовку, – и все прочие мирные данные, конечно, представляют большую ценность, но обеспечение своей безопасности мы можем искать только в собственных силах»³. В тот же день, 14 мая, Вильгельм II, находившийся тогда в Кёнигсберге, поднял тост за Восточную Пруссию: «Я желаю, чтобы провинция избежала войны. Но если бы, по воле Провидения, император был вынужден защищать границы, шпага Восточной Пруссии сыграла бы в борьбе с врагом ту же роль, как и в 1870 году»⁴.

Итак, среди соседей Германии, вызывавших опасения «мозга» ее армии, публично были названы Россия и Франция, не связанные еще никакими взаимными обязательствами. К этому необходимо добавить, что сближение Англии и Тройственного союза начало принимать все более открытый характер. Берлин не без оснований строил свои расчеты на использовании про-

тиворечий в колониях для усиления своих европейских позиций. Лето 1890 г. стало наилучшим периодом в германо-английских отношениях. 1 июля 1890 г. в столице Германии был подписан англо-германский договор о разграничении сфер интересов двух государств в Восточной и Юго-Восточной Африке. Идя на значительные уступки Лондону в Уганде и в районе озера Виктория, отказываясь от претензий на Занзибар, Германия получала остров Гельголанд.

Франция и Россия оказались в явной изоляции, притом далеко не блестящей. После этого вопрос о политическом сближении Парижа и Петербурга был делом времени, что и реализовалось в русско-французском союзе, оформленном двусторонними соглашениями в 1891–1893 гг. и знаменитыми визитами в 1893 г. русской эскадры в Тулон и французской – в Кронштадт. Русско-французский союз стал свершившимся фактом, впрочем, публично само слово «союз» применительно к русско-французским отношениям было произнесено уже Николаем II в августе 1897 г. В континентальной Европе окончательно сложилось блоковое противостояние. Его напряжение несколько ослабло после переноса активности русской политики на Дальний Восток в конце XIX в., однако поражение в Русско-японской войне, которое было результатом многих причин⁵, привело к возвращению Петербурга к традиционным приоритетам – из Азии в Европу. К этому времени расклад сил и противоречий во внешней политике великих держав претерпел значительные изменения.

Англо-германское сближение конца 1880-х – начала 1890-х гг. было недолгим. Германия начала превращаться в мировую державу, стремившуюся выйти за пределы Европейского континента. Быстро растущая германская экономика нуждалась в рынках сбыта и источниках сырья, торговля – в политическом прикрытии, которое могло быть эффективно только при наличии военной составляющей. «Вопрос не в том, хотим мы колонизировать пространство или нет, – заявлял канцлер Бернгард фон Бюлов, – но в том, что мы должны колонизировать, хотим мы этого или нет»⁶. Немцы были настроены весьма решительно. В своей речи в рейхстаге в 1899 г. тот же Б. фон Бюлов недвусмысленно заявил об этом: «Мы не можем позволить ни одной державе, ни одному иностранному Юпитеру заявить нам: «Что поделать? Мир уже поделен»⁷. Речь, в частности, шла о том, что Берлину нужны были и колонии, и торговый флот, и мощный военно-морской флот, способный отстоять интересы Германии в Мировом океане.

В 1898 г. Вильгельм II принял новую военно-морскую программу, которую с огромным трудом удалось провести через рейхстаг 23 марта 1898 г.⁸ В результате к 1903 г. Германия должна была получить флот открытого моря вместо того, который решал исключительно оборонительные задачи: 19 линейных кораблей, восемь броненосцев береговой обороны, 12 броненосных и 30 легких крейсеров⁹. Последовало и резкое увеличение германского военно-морского бюджета. В 1896–1897 гг. он равнялся 1 252 340 фунтам (против 8 369 874 – у Великобритании, 3 400 951 – у Франции, 2 072 375 – у России, 2 295 811 – у США), в 1897–1898 гг. – уже 2 454 400 фунтам (против 5 193 043 – у Великобритании, 3 537 800 – у Франции, 2 530 084 – у России, 2 811 756 – у США), в 1898–1899 гг. – 2 565 600 фунтам (против 9 169 697 – у Великобритании, 4 568 676 – у Франции, 2 036 735 – у России, 4 245 255 – у США)¹⁰.

Это было только преддверие будущего германо-английского морского противостояния, но и оно изменило многое в политике Лондона. Новые проблемы способствовали преодолению старых конфликтов. Еще в 1898 г. Англия и Франция, казалось, находились на грани войны во время фашодского кризиса – тогда они не поделили верховья Нила в Судане. А в 1901 г. командование французского флота ставило перед своими силами на Атлантическом океане задачу по подготовке к военным действиям против Англии¹¹. Уже в марте 1904 г. эти два государства создали Антанту или заключили «сердечное согласие» о полюбовном разделе сфер влияния в колониях, прежде всего в Египте и Марокко. Общий враг сближает.

В 1907 г. в Великобритании был спущен на воду линейный корабль нового поколения «Дредноут», который сразу же обесценил существовавшие до этого корабли первого класса –

эскадренные броненосцы. Начался новый виток гонки военно-морских вооружений, прежде всего между Англией и Германией. Уже в 1908 г. с верфи в Вильгельмсхафене в присутствии кайзера был спущен на воду первый немецкий линкор дредноутного типа. Кроме казенных верфей подобные корабли в Германии могли строить и частные фирмы «Вулкан и К» (Штеттин), «Круп» – верфь «Германия» (Киль), «Шихау» (Данциг), «Блом и Фосс» (Гамбург), «Говальдсверке» (Киль). Германские моряки ожидали к концу 1911 г. получить 13 кораблей дредноутного типа, в то время как собственно на английских верфях к этому времени первоначально планировалось построить только 12 судов этого класса.

В этой обстановке британский парламент принял закон о строительстве «двух килей против одного» и началось германо-английское морское соперничество. Оно ложилось тяжелейшим бременем на британский бюджет. Цена, которую странам приходилось платить за флот, значительно выросла. Стоимость британского броненосца серии «Маджестик», корабли которой закладывались в 1893–1895 гг., равнялась 1 млн фунтов; эскадренных броненосцев типа «Лорд Нельсон» 1904–1905 гг. – 1,5 млн; линейного корабля типа «Дредноут» 1905–1906 гг. – 1,79 млн; дредноутов типа «Кинг Джордж V» 1910–1911 гг. – 1,95 млн; дредноутов типа «Куин Элизабет» 1912–1913 гг. – 2,5 млн. В результате, если в 1883 г. военно-морские расходы Британии составили 11 млн фунтов, то в 1896 г. они выросли до 18,7 млн, в 1903 г. – до 34,5 млн, в 1910 г. – до 40,4 млн¹².

Уже в 1904 г., сразу после снятия противоречий в Египте и Марокко, между Лондоном и Парижем начались переговоры о разделе сфер ответственности флотов. С 1905 г. с огромным напряжением сил британские военные стали готовить экспедиционные силы для переброски через Ла-Манш в случае германо-французского конфликта¹³. Еще 5 января 1906 г. на первых консультациях по англо-французскому военному сотрудничеству в Париже представителем Лондона были заданы вопросы о том, гарантирует ли Франция неприкосновенность бельгийских границ в случае франко-германского конфликта и понимает ли ее правительство, что немецкое вторжение в эту страну будет означать автоматическое вступление в войну Англии. На оба вопроса последовал положительный ответ, а затем обе стороны обсудили планы возможных совместных действий на суше и на море. Начавшийся таким образом в 1906 г. обмен мнениями и военной информацией между двумя странами продолжался вплоть до 1914 г.¹⁴ В 1912 г. англо-французские морские переговоры завершились выводом ударных сил британской Средиземноморской эскадры в Атлантику, а французского Атлантического флота – в Средиземное море. Фактически Англия при формальном отсутствии союзных обязательств взяла на себя ответственность за оборону Атлантического побережья Франции. Итак, к франко-германскому и русско-австрийскому противостоянию добавилось теперь и англо-германское.

В этой обстановке русский МИД во главе с А. П. Извольским попытался осуществить ряд проектов, нацеленных на стабилизацию положения в Азии. Русско-японские противоречия на Дальнем Востоке были сняты соглашениями с Японией, подписанными в июле 1907 г. Маньчжурия делилась на северную (русскую) и южную (японскую) сферы влияния. В первую также входила и Внешняя Монголия, а во вторую – Корея. Япония получала право промысловой деятельности на двух третях акватории русских морей Дальнего Востока, включая Амурский лиман. Ограничения вводились лишь на охоту на морских бобров и котиков.

Через месяц А. П. Извольский и британский посол в России А. Никольсон подписали в Петербурге конвенцию об Иране, Афганистане и Тибете. Обе стороны договорились признать Афганистан и Тибет лежащими в сфере влияния Англии, гарантировать территориальную неприкосновенность Тибета, сноситься с далай-ламой только через китайское правительство. Россия обговорила права для своих подданных – паломников-буддистов. Англия обязалась не аннексировать часть афганской территории и не предпринимать в Афганистане действий, направленных против России. Главной частью договора стало соглашение по раз-

делу Персии, в которой русское влияние, политическое и финансовое, было весьма велико. Иран делился на три зоны – русскую (северную), английскую (южную), нейтральную (промежуточную между ними). Русско-английские противоречия на Среднем Востоке временно были сняты, а Англия превращалась в регионального партнера русско-французского союза в Атлантике и Азии. Впрочем, не следует переоценивать значение этого документа: соперничество Петербурга и Лондона вскоре возобновилось и в 1913–1914 гг. вновь достигло весьма высокой степени¹⁵.

Англичан с русскими помирили немцы, а русских с англичанами – желание снять напряжение по периметру границ. Вслед за русско-английским соглашением А. П. Извольский сосредоточился на русско-германском сотрудничестве. Оно было подтверждено во время встречи Николая II и Вильгельма II в Свинемюнде в июле 1907 г., а уже в октябре того же года Россия получила принципиальное согласие Берлина на изменение статуса Аландских островов – отмену конвенции об их нейтрализации. В сентябре 1907 г. А. П. Извольский встретился в Вене с министром иностранных дел Дунайской монархии графом А. Эренталем и заявил об отсутствии каких-либо агрессивных планов в отношении Турции. В этой восточной монархии тем временем происходили события, которым русский дипломат был в немалой степени обязан срыву своих планов.

В июле 1908 г. в Турции произошла революция, султан Абдул-Гамид вынужден был восстановить конституцию 1876 г., и на ноябрь в Османской империи были назначены выборы в парламент. Вена захотела воспользоваться возникшим кризисом для того, чтобы аннексировать оккупированные ею в 1878 г. Боснию и Герцеговину. На встрече с А. Эренталем в Бухлау в сентябре 1908 г. А. П. Извольский предложил Австро-Венгрии право аннексии Боснии и Герцеговины в обмен на свободу плавания через Проливы для русских военных судов. Этот план потерпел неудачу: Германия и Италия требовали компенсаций за изменение режима Проливов, а Париж и Лондон не соглашались с этими предложениями. 7 октября 1908 г. Вена провозгласила аннексию Боснии и Герцеговины. Начался боснийский кризис, в ходе которого Германия полностью поддержала свою союзницу.

В марте 1909 г. под угрозой германского ультиматума Россия вынуждена была согласиться с аннексией. Вслед за ней это сделала и Сербия. По меткому выражению У. Черчилля, А. Эренталь, втянув в кризис Германию, использовал паровой молот, чтобы расколоть орех, и, что было гораздо хуже, «втянул Россию в публичное унижение», которое никто не собирался прощать¹⁶. Уходя в отставку в июне 1909 г. Б. фон Бюлов, по его собственному признанию, предостерегал кайзера и своего преемника Т. фон Бетман-Гольвега не повторять боснийской акции¹⁷. Между тем она не только легла тяжким бременем на русско-германо-австрийские отношения, но и на общую обстановку на Балканах. Первая и Вторая Балканские войны не решили ни одной из проблем полуострова, создав новые: Греция, Сербия и Болгария не смогли разделить Македонию, в тыл болгарам ударили румыны и прочее.

Политика уступок и компромиссов лишь ухудшила положение России и спровоцировала рост appetites среди политиков германо-австрийского блока. Именно после боснийского кризиса в Большом Генеральном штабе пришли к мысли о возможности коалиционной войны Германии против Франции, России и, вероятно, Англии¹⁸. Слабость провоцирует агрессию европейцев не в меньшей степени, чем азиатов. Сила доказательна по своей природе, и вдохновившись этим принципом, Германия и Австро-Венгрия организовали в 1914 г. провокацию против Сербии – несчастной страны, трижды ставшей жертвой агрессии западного мира в XX в. (Австро-Венгрия и кайзеровская Германия, гитлеровская Германия и фашистская Италия, США и НАТО). Один из организаторов и вдохновителей этой провокации – эрцгерцог Франц-Фердинанд стал заложником собственных планов. Его убийство запустило механизм

германо-австрийского союза, вся сила которого была приведена в действие для повторения сценария 1908–1909 гг., но на этот раз в гораздо большем масштабе.

К войне так долго готовились, о ней так долго говорили, что, похоже, с ней смирились, как с неизбежным злом, которое обязательно придет, но все же, наверное, не завтра. Масштабные события, которых долго ждут, имеют свойство приходить неожиданно. «Первая мировая война разразилась внезапно, – вспоминал И. Г. Эренбург, бывший в то время политическим эмигрантом во Франции, – затряслась земля под ногами... Все готовилось давно, но где-то в стороне, а разразилось внезапно»¹⁹. Отдыхавший в Баден-вейлере (южный Баден) вместе с женой депутат IV Думы С. И. Шидловский вспоминал о первой реакции местного общества на сараевское убийство: «Сначала не только нам, но и местным немцам в голову не приходило, что дело может дойти до войны, да еще такого мирового значения; однако местные жители, с которыми мне приходилось рассуждать еще ранее о германском милитаризме и которые вообще, как все южные немцы, были далеко не поклонники немецкого «пруссачества», говорили мне, что война должна быть непременно, так как напряжение германского милитаризма дошло до такой степени, что без своего рода отдушины дело продолжаться не может»²⁰.

Так, долгожданно и неожиданно, началась Первая мировая война, после которой неузнаваемо изменилась политическая карта Европы. Уходившие на фронт в августе 1914 г. мечтали о радостной и веселой войне, полной романтических подвигов и приключений, которая завершится прочным и справедливым миром. Война виделась сокрушительной и короткой, солдатам обещали, что они вернутся к своим домам уже к Рождеству. На деле сбылись лишь ожидания сокрушительных последствий. Военные потери были чудовищными: погибли около 9,5 млн солдат, матросов и офицеров, около 20 млн получили ранения разной степени тяжести. Русские потери составили 1,8 млн убитых и умерших²¹.

По разным подсчетам, около 5 млн гражданских лиц погибли в результате военных действий, перемещений и разного рода жестокости оккупационных режимов. Геноцид армян и ассирийцев в Османской империи и Персии, проведенный младотурками, массовое уничтожение сербов и русин, организованное властями Австро-Венгрии, депортация еврейского и немецкого населения Прибалтики из прифронтовой полосы в глубь империи, реализованная по приказу Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича (младшего), миллионы беженцев, уходивших в 1915 г. вслед за русскими войсками добровольно и принудительно – все это было так не похоже на романтические предания рыцарской войны. Оставим в стороне вопрос, насколько образ «красивой» войны XIX в. соответствовал действительности. То, что произошло, было несравнимо ни с чем, предшествующим 1914 г.

Веселой и радостной война не была, короткой – тоже. Начавшись 28 июля 1914 г. с нападения Австро-Венгрии на Сербию, она закончилась 11 ноября 1918 г. Формально хронологические рамки Первой мировой для Российской империи были более узкими – с 1 августа 1914 г., когда Германия объявила ей войну, по 2 (15) марта 1917 г., когда была свергнута монархия. И хотя Россия участвовала в войне еще год, вплоть до заключения Брестского мира, на самом деле это была уже агония старой страны, старой армии, старых устоев, старой жизни.

В марте 1917 г. началась история «короткого XX века» России. Его начало и конец очевидны: это две сокрушительные для судеб многих народов исторической России катастрофы – Февральская революция 1917 г., определившая скольжение в Октябрь и Гражданскую войну, и падение СССР, которое состоялось в августе 1991 г., а в декабре было уже юридически оформлено. «Короткий век» естественным образом находится под сильнейшим влиянием событий, открывающих это столетие – Февральской и Октябрьской революций, которые непосредственно связаны с Первой мировой войной. Уже этого достаточно для утверждения: важность периода 1914–1917 гг. для понимания истории России XX в. не поддается переоценке. Думаю, Карел Крамарж, искренний друг России, был абсолютно прав, когда утверждал: «Было

бы страшным преступлением для России, если бы на русской катастрофе поучались все, кроме самих русских»²².

Безусловно, одной из причин падения империи стало отсутствие консолидации ее правящих кругов. Верхи императорской России явно оказались не на высоте задач, которые ставило перед государством время. Не стала исключением из этого правила и военная элита. Получив в 1914 г. в руки не идеальный, но без сомнения один из лучших военных механизмов, которыми владела Россия за предшествующие 50 лет, имея в первые месяцы войны полную моральную поддержку тыла, высший генералитет вступил в бой, разрываемый межличностными конфликтами, отягощенный компромиссами, не сгладившими ни одно из противоречий. Верховный главнокомандующий и военный министр открыто враждовали, Генеральный штаб не сумел выбрать направление главного удара для собственной армии. В разработанные планы действий вводились многочисленные изменения.

Столкновение импровизации с организацией всегда кончается плачевно для первой. Справедливость этого утверждения проявилась уже в первый месяц войны, прежде всего в Восточной Пруссии. Поражение армии А. В. Самсонова стало первым и опасным признаком слабости военного руководства России. Британский консул в Москве Брюс Локкарт справедливо отмечал: «Танненберг на самом деле был прелюдией к русской революции. Это было письмо надежды к Ленину»²³. Ничего еще не было потеряно, общество поначалу не воспринимало случившееся как непоправимую катастрофу, да и знало оно о поражении немного. Но для устойчивой веры в победу и возможности вождей воюющей армии нужны успехи, а в 1914 г. на германском фронте они были редким явлением.

Впрочем, способности и возможности противника опасно не только преуменьшать, но и преувеличивать. «Армию Наполеона считали непобедимой, но она была разбита попеременно русскими, английскими, немецкими войсками. Немецкую армию Вильгельма в период Первой империалистической войны тоже считали непобедимой армией, но она несколько раз терпела поражение от русских и англо-французских войск и, наконец, была разбита англо-французскими войсками»²⁴. Свой немалый вклад в эту победу внес русский фронт Первой мировой войны. Немцам не удалось реализовать план молниеносной войны, переброска подкреплений в Восточную Пруссию в первые дни сорвала взятие Парижа. В стратегии Германии это сводило на нет достигнутые ею тактические победы.

Вплоть до конца 1916 г. германская армия несла больше потерь убитыми и пленными на Восточном фронте, чем на Западном²⁵. А ведь России еще приходилось сражаться с Австро-Венгрией и Турцией. Как отмечал один из лучших историков русской армии А. А. Керсновский: «В минувшую Великую войну Россия *одна* (выделено автором. – А. О.) приняла на себя удар половины сил вражеской коалиции. Другую половину поделили между собою Франция, Великобритания, Италия и Соединенные Штаты, страны, гораздо лучше снабженные боевой техникой. Боевое напряжение каждой русской дивизии было в несколько раз выше такового же любой союзной дивизии»²⁶.

В руках русской Ставки находилась грозная сила. Во всяком случае, армия была грозной до тех пор, пока в ее рядах сохранялись обученные офицерские и унтер-офицерские кадры. «Бои у Мазурских озер зимой 1915 года явились таким же свидетельством о Русской армии, как Лодзь, Бзура и Равка. Тот, кто видел русского солдата того времени, никогда не станет утверждать, что сила сопротивления его была сломлена... Он погибал скорее на своем посту, чем оставлял его без приказа начальника. Случалось, что отдельные русские отряды сдавались без серьезного сопротивления, но это было лишь тогда, когда, оставшись без начальников, люди не знали, что им делать»²⁷.

У войны должна быть цель. Гигантские потери должны иметь объяснение. Нужна была соответствующая уровню напряжения сил задача, столь же масштабная, сколь понятная массам

и потому принимаемая ими. У союзников России на вопросы о целях и задачах войны были ясные ответы: война велась для возвращения Эльзаса и Лотарингии (Франция), для завершения объединения итальянских земель в едином государстве (Италия), для сокращения экономической мощи Германии (Англия). Следует признать, что у России такой цели не было. Или, точнее, не было консенсуса в отношении исторической задачи, которую должна была решить война.

Символической целью не могло стать разрушение Австро-Венгрии, понятие «разгром Германии» также не было ясным. Возрождение Польши или освобождение Западной Армении не могло послужить символом мобилизации всех сил страны. На роль исторической задачи, главного приза войны могли претендовать Константинополь и Черноморские проливы. Парадоксально, но вступление Турции в войну на стороне Германии предоставило России шанс наполнить смыслом кровавое противостояние с соседями.

20 октября (2 ноября) 1914 г. Николай II подписал манифест об объявлении войны Турции: «Вместе со всем народом русским Мы непреклонно верим, что нынешнее безрассудное вмешательство Турции в военные действия только ускорит роковой для нее исход событий и откроет России путь к разрешению завещанных ей предками исторических задач на берегах Черного моря»²⁸. Не будем преувеличивать значения этих исторических задач для широких масс. У этой проблемы существовала и другая составная – согласие союзников. 3 марта 1915 г. на встрече с членами французской делегации император наиболее ясно высказал свою программу именно по вопросу о проливах, как, впрочем, и о причинах своих требований. Россия не могла участвовать в столь тяжелой войне, не имея перед собой ни одной понятной символической цели – вряд ли восстановление Польши можно считать таковой: «Я не признаю за собой права налагать на мой народ ужасные жертвы, требуемые этой войной, не давая ему в награду осуществления его вековой мечты... город Константинополь и Южная Фракия должны быть присоединены к моей империи. Впрочем, я допущу для управления городом особый режим, с принятием во внимание иностранных интересов»²⁹. Согласие Англии и Франции затянулось, а вскоре оказалось, что народ в своей неграмотной или полуграмотной массе гораздо больше интересовали другие вековые мечты.

Что касается образованной части общества, то она в большинстве своем шла за политическими лидерами. «Властители дум» оказались не в состоянии следовать декларируемым ими в первые дни войны принципам «священного единения». В 1915 г. оно уже было очевидно не безусловным, что имело весьма важные последствия для судьбы страны. Вряд ли будет преувеличением утверждение, что широким массам крестьянства и рабочих не нужна была тяжелая и бессмысленная с их точки зрения война. Руководителей «узких масс» образованных классов это явно не пугало. Они прежде всего мечтали о расширении политических полномочий и все свои силы направили на изоощренную борьбу с правительством. Лозунг создания «правительства доверия» предполагал существование правительства, которому не стоило доверять. Подозрения подтверждались слухами, провокациями, организацией мерзких политических судилищ с санкции сочувствовавшего либералам великого князя Николая Николаевича (младшего). Ни одна страна во время войны не может позволить себе дискредитации высшей государственной власти, а страна, в которой бедных и богатых разделяет так много, с неумолимо обострившимися в военные годы рабочим и национальным вопросами и прочим, – тем более.

Обвиняя военного министра в шпионаже, дискредитируя носителей верховной власти, либералы подрывали основу дисциплины и порядка. Пока армия подчинялась своим командирам, все еще оставался шанс на относительно безболезненный выход из кризиса. Гигантские потери 1914–1916 гг. выбили кадровый офицерский корпус и резко снизили способность армии к сопротивлению противнику и подчинению командирам. Этот момент совпал с очередным штурмом власти, устроенным либеральной оппозицией. Отречение императора Николая

II думцы считали необходимым условием для того, чтобы избежать гражданской войны и дать возможность при слабом регенте народному представительству окрепнуть, чтобы оно, по словам А. И. Гучкова, «как это было в Англии в конце XVIII столетия, так глубоко пустило бы свои корни, что дальнейшие бури были бы для него не опасны»³⁰. В первые дни все были счастливы и не предвидели для себя и страны тяжких последствий. Или почти все – трезвые умы все же оставались и ничего хорошего не ждали. Русский дипломат И. Я. Коростовец в феврале 1917 г. в ответ на поздравления американского посла Дж. Френсиса, который был в восторге от так быстро свершившегося бескровного переворота, ответил, что даже его, Коростовца, внуки не увидят конца «русской только что начавшейся революции»³¹. И он оказался прав.

Попытки думских интеллектуалов и бретеров возглавить воюющую страну закончились оглушительным и почти мгновенным провалом. Многим из них довелось на личном опыте убедиться в том, что власть без силы также опасна для общества, как и сила без власти. Крах организационных усилий русских либералов весной – летом 1917 г. будет абсолютно непонятен, если не помнить или не знать того, что это уже не первое их крушение. На самом деле, в качестве государственных деятелей они провалились еще ранее, в дореволюционный период, когда управляли созданными с благословения государства общественными организациями: Земским, Городским союзами и Военно-промышленными комитетами.

Неожиданно негативную роль сыграли исторические знания. Опыт Французской революции требовал опасаться угрозы справа. У русской революции во главе с либерально-демократическими, а затем и социалистическими лидерами не могло быть врагов слева. Когда выяснилось, что Россия 1917 г. все же не совсем походила на Францию 1789 или 1793 гг., было уже поздно. Значительные лица из Государственной думы, Земского, Городского союзов, Военно-промышленных комитетов быстро оказались недостойными доверия улицы и были сметены ею, как мусор.

Пришедший к власти А. Ф. Керенский, демагог с театральными замашками, верил в себя и в свою способность трактовать политику как интригу. Поначалу у него многое получалось, во всяком случае, он был успешен в борьбе за должности и в создании вокруг себя атмосферы обожания. Став военным министром, он сменил штатский пиджак на френч защитного цвета, а летом 1917 г. у него разболелась рука – он носил ее на черной повязке через плечо, что придавало фигуре «демократизатора армии» оттенок романтизма. Министр был похож на раненого героя³². О том, как это надеялись использовать, можно судить по приветственным завываниям сторонников демократии в «Русском инвалиде»: «Керенский и народ – одно. Имя его – имя вождя. И в этом имени – успех и победа»³³. Приемы А. Ф. Керенского вызывали умиление в прессе, которая назвала его Сен-Жюстом русской революции, «существом особым, чуждым человеческих слабостей», в отличие от своего французского оригинала принципиально отказавшимся от кровопролития и в этом явившим «то вечное, что очищает и облагораживает всякий факт истории, поднимая его на прозрачный воздух, передавая его благожелательным солнечным лучам, – сострадание»³⁴.

Рост беспорядка и разложение армии вызвали к политической жизни новых лидеров, пытавшихся возродить дисциплину и порядок железной рукой, а не патетическими речами и дешевыми приемами. А. Ф. Керенский завидовал популярности генерала Л. Г. Корнилова и боялся его. Ему удалось спровоцировать на выступление своего «врага справа» и разгромить так называемый «корниловский мятеж», а после этого он остался один на один с «друзьями слева». 1 (14) сентября для усиления своих позиций он провозгласил Россию республикой, сославшись на единодушную поддержку, которой у него, кстати, не было: «Считая нужным положить предел внешней неопределенности государственного строя, памятуя единодушное и восторженное признание республиканской идеи, которая сказала на Московском государственном совещании, Временное правительство объявляет, что государственный поря-

док, которым управляется Российское государство, есть порядок республиканский и провозглашает Российскую Республику»³⁵. Это не спасло ни А. Ф. Керенского, ни псевдореспублику. Это были бесконечно малые величины, презируемые почти всеми. К власти под лозунгами прекращения войны и широких социальных преобразований пришли большевики.

Очень быстро во внутренний конфликт вмешались противники по Первой мировой войне. Признаться, нелегко разобратся, где военная оккупация перерастала тогда в интервенцию, ясно одно: германцы, австрийцы, турки и даже болгары к концу 1917 – началу 1918 г. не страдали разного рода комплексами, стараясь извлечь максимум выгод из победы над беззащитной Россией. Стране пришлось заплатить огромную цену за «выход из войны». 3 марта 1918 г. большевистское правительство подписало Брестский мир. Формально это была капитуляция, логичное следствие разгрома. «Масса поняла истину, что если армии нет, а рядом с вами лежит хищник, то вам придется подписать наитягчайший, унижительный мирный договор»³⁶. Необходимый при таких обстоятельствах «временный выход был только во временной передышке, которая была получена при подписании Брестского мира»³⁷. Передышка продлилась недолго. С весны 1917 по весну 1918 г. Антанта несла весьма тяжелые потери, а затем обстановка начала меняться в ее пользу. Мощнейшее влияние на последнем этапе войны оказали США, выступив в апреле 1917 г. на стороне противников Германии. Попытка ее командования переломить ход войны на Западном фронте до прибытия американских подкреплений провалилась: немцы смогли прорвать фронт, используя новую тактику штурмовых отрядов, но уже не имели достаточного количества сил для того, чтобы использовать возможности, созданные прорывом³⁸.

Уже в 1914 г. в военных действиях, в целом весьма напоминавших традиционное для XIX в. взаимодействие пехоты, кавалерии и артиллерии, начало проявляться влияние современной техники. В воздухе появились самолеты и цеппелины, на фронте – броневики, а в тылу – грузовики и автомобили. История об использовании парижских такси во время битвы на Марне стала классической. Но контрнаступление союзников летом 1918 г. представляет картину, более привычную для поля битвы Второй мировой войны: 26 сентября в наступлении в Аргоннском лесу приняло участие 37 французских и американских дивизий, их поддерживало свыше 4 тыс. орудий, в атаке приняло участие свыше 700 танков. 27 сентября не менее масштабную атаку предприняли под Камбре англичане. С воздуха их поддерживало свыше 1 тыс. самолетов, активно штурмовавших позиции противника. На оборонявшихся было сброшено свыше 700 тонн бомб, для стрельбы по целям на земле использовано 26 тыс. пулеметных дисков³⁹. Это была война моторов, и Германия явно проигрывала ее. Германское командование паниковало, оно теряло надежду на благополучное окончание войны⁴⁰.

Тем не менее достижения союзников не давали надежд на быстрое окончание войны. 3 октября 1918 г. на франко-американской конференции в Труа-Фонтан еще рассматривались сроки победоносного ее завершения – конец 1919 или начало 1920 г. Но именно в это время произошли события, решившие ее исход. В сентябре 1918 г. англичане под командованием генерала Э. Алленби сокрушили турецкую армию в Палестине, и практически одновременно генерал Л. Франше д'Эспере начал наступление на Салоникском фронте. Болгария и Турция были разгромлены и вышли из войны, ресурсы Балкан и Малой Азии отсекались от Берлина. Всего через две недели после встречи в Труа-Фонтан военный министр Германии генерал Г. Шойс подвел итоги: тыл мог предоставить армии 600 тыс. солдат на следующий год, и этого хватило бы для обороны, но отрезанный от поставок горюче-смазочных материалов из Румынии, рейхсвер мог продержаться только шесть недель⁴¹.

Война моторов – это и война за то, на чем они работают. Между тем вероятность остановки моторов возникла именно в тот момент, когда перед германской армией, на флангах которой – в Бельгии, на Самбре и Маасе – наступали союзники, а за спиной немцев были

Арденны, возникла угроза расщепления на две части. Ввиду недостатка путей сообщения кризис мог быть преодолен только при интенсивном использовании моторов⁴². Угроза вполне могла вылиться в катастрофу. Сомнений у канцлера принца Макса Баденского не осталось: нужен был мир, и желательно до того, как противник вступит на немецкую землю. Война закончилась так же, как и началась – долгожданно, но неожиданно и на Балканах, так и не ставших тогда трофеем победителей в конфликте за мировое господство.

В конце октября 1918 г. на кораблях германского флота начались волнения, 4 ноября на военно-морской базе в Киле вспыхнуло восстание. В Германии началась революция, и 9 ноября кайзер бежал в Голландию. 11 ноября 1918 г. Германия подписала перемирие в Компьене. Фактически это была капитуляция, высшее командование предпочло сдаться до того, как союзники с боем войдут на территорию Германии. Уже 13 ноября 1918 г. Брестский мир был денонсирован ВЦИК. Однако формальный выход из империалистической войны стал началом масштабной гражданской, приведшей к неисчислимым бедствиям для России, перед которыми меркнут гекатомбы 1914–1917 гг. При этом потери среди сражавшихся военных относительно невелики – около 800 тыс. человек, что составляет менее 58 % от показателей Первой мировой войны⁴³.

Это легко объяснимо несравнимо более низким уровнем насыщенности фронта Гражданской войны огневыми средствами. В мае 1916 г. на участке прорыва 8-й армии под Луцком длиной в 4,5 км на каждый километр удалось выделить только девять легких и пять полевых тяжелых орудий⁴⁴. По нормам 1916 г. для ударной армии это были очень скромные цифры, хотя ее наступление и планировалось на второстепенном для всего русского фронта направлении. Но для Гражданской войны они были беспримерно высокими. Плотность артиллерии росла от 0,5 орудия на километр фронта в начале 1919 г. до четырех орудий на километр в конце 1920 г. В результате, если фронт наступления дивизии в 1914–1917 гг. постоянно сокращался, достигнув в 1916 г. 2 км для дивизии, то в начале 1919 г. эти показатели для главного (!) направления составляли до 50 км, осенью 1919 г. – 25–30 км, летом и осенью 1920 г. – 7–15 км⁴⁵. Интенсивность и мощь огня в 1915–1918 гг. вообще несравнимы с показателями 1919–1920 гг. Немцы и русские тратили на артиллерийскую подготовку несколько часов (максимум в феврале 1916 г. – девять часов германская армия перед штурмом Вердена), в то время как союзники – несколько дней (июль 1916 г. – семь дней перед наступлением на Сомме, а максимум в июле 1917 г. перед наступлением во Фландрии – 16 (!) дней)⁴⁶.

Если военные потери были объяснимо меньше, то жертвы среди мирного населения с трудом поддаются исчислению. Будучи высшей формой классовой борьбы в центре бывшей империи, на окраине Гражданская война часто превращалась в межнациональные конфликты. Целые социальные слои в одном случае и этнические и религиозные группы в другом превратились в законную цель военных действий, объект уничтожения для оккупационных властей. Практически полностью были забыты и правила ведения войны, изрядно дискредитированные практикой Первой мировой. Этим, очевидно, объясняется то, что в ряде районов, например на Дону, общие потери в 1919–1920 гг. среди возрастов, годных к службе, в три раза превысили уровень Первой мировой⁴⁷. Кризис за кризисом расширял территорию, затронутую военными действиями.

В войну кроме бывших противников по Первой мировой вмешались и бывшие союзники. Уже в декабре 1917 г. представители Антанты на конференции в Париже приняли решение о районах будущих оккупационных зон на территории России⁴⁸. Военных активно подталкивали к действию дипломаты. Так, 21 февраля 1918 г. американский посол в России писал государственному секретарю о необходимости англичанам и французам занять Мурманск и Архангельск, а американцам – Владивосток. Дж. Френсис считал, что президент В. Вильсон был

настроен против участия в интервенции японцев⁴⁹ и потому очень настойчив: «История показывает, что русские не способны на крупные движения и большие завоевания... если они не осуществляются под иностранным влиянием и руководством. Для союзников теперь пришло время действовать»⁵⁰. Удивительные выводы для человека, который слабо разбирался в чем-то, не связанном с покером и банками, и чудовищное невежество которого было предметом для шуток его коллег⁵¹. Как уверял Б. Локкарт, американец «не мог отличить левого социалиста-революционера от картошки»⁵². В марте 1918 г., еще не закончив Первой мировой войны, англичане и французы высадили десанты в Мурманске, а в мае к ним присоединились американцы⁵³.

Без сомнения, участие интервентов способствовало затягиванию войны. В результате, если в Европейской России она завершилась в 1920 г. с ликвидацией «белого» Крыма, то на Дальнем Востоке – в 1922 г. со взятием Владивостока. Последний иностранный солдат покинул территорию нашей страны только в мае 1925 г. Это были японцы, которые отличались самой масштабной и очень жестокой интервенцией. На Дальнем Востоке и в Сибири с августа 1918 по октябрь 1919 г. находились свыше 120 тыс. японских солдат и офицеров, своим присутствием обеспечивавших грабеж русской земли. Справедливости ради отметим, что англичане, американцы и прочие, уступая японцам в числе, не отставали от них в грабеже⁵⁴. В апреле 1920 г. японцы высадили десант на Северном Сахалине, и 3 июля того же года объявили об оккупации русской половины острова. Начались массовые репрессии, сопровождавшиеся «экономической эксплуатацией территории»⁵⁵. Слабость государства, обладавшего значительными богатствами, провоцировала аппетиты могучего соседа. В эти годы Токио не разменивался на разговоры о справедливости и не стеснялся в демонстрации своих интересов.

По условиям «Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией» от 20 января 1925 г. уход оккупантов из Северного Сахалина обуславливался значительными уступками советской стороны: «принимая во внимание нужды Японии в отношении естественных богатств, правительство Союза Советских Социалистических Республик готово предоставить японским подданным, компаниям и ассоциациям концессии на эксплуатацию минеральных, лесных и других естественных богатств на всей территории Союза Советских Социалистических Республик»⁵⁶. При этом советские власти обязались в течение пяти месяцев после эвакуации японской армии с русской территории заключить договоры о концессиях на Северном Сахалине сроком от 40 до 50 лет. Японцам должны были быть предоставлены не менее 50 % нефтяных площадей, право на добычу угля, проведение лесозаготовок, японские концессии получали особые льготные условия эксплуатации⁵⁷.

Горе слабым! Картину бедствий страны дополнили последствия разорения экономики и почти полного уничтожения и без того не самой мощной системы здравоохранения – эпидемии и голод. В любом случае, как бы ни считать, период войн и великих потрясений, начавшийся для нашей страны в 1914 г., закончился не в 1917 г. и не в 1918 г. Начало Первой мировой войны завершило «длинное XIX столетие» и открыло «короткий XX век», остановившийся для нашей страны с падением государства, порожденного Октябрьской революцией 1917 г., и началом ельцинского безвременья.

Для остальной Европы начало XX в. тоже не сулило ничего хорошего. Поколение ветеранов Первой мировой мечтало о том, что она станет последней войной, но этому не суждено было осуществиться. Три традиционные империи исчезли с политической карты Европы и Азии, их место заняли новые государства – молодые республики и королевства. Практически все они стремились играть роль, на которую не претендовали их предшественники – роль плавильного национального котла. Территории, столетиями существовавшие в режиме наднационального подхода к решению местных задач и проблем, внезапно превратились в нацио-

нальные государства, причем этническая, культурная и конфессиональная пестрота новообразований делала неизбежным весь трагизм их дальнейшего развития, особенно при условии насильственной натурализации народов, внезапно оказавшихся чуждыми элементами на собственных землях.

К этому стоит добавить столкновение великих национальных мечтаний соседей. Традиционные для некоторых политических культур мегаломания, филистерство и фанаберия превратили возрожденные страны в злобные и опасные чудовища. Не только Польша была, по словам В. М. Молотова, «уродливым детищем Версальской системы»⁵⁸. Новые противоречия и старые конфликты сделали неизбежной ревизию результатов Первой мировой войны. Прав оказался маршал Ф. Фош, назвавший Версальский мир 1919 г. 20-летним перемирием. Следует ли из этого, что в 1914 г. началась война, которая возобновилась после перемирия и закончилась в 1945 г.?

Русская историография этого явления находится далеко не в блестящем состоянии. Основанием изучения собственно военной и частично внешнеполитической составляющей участия России в этой войне послужили работы А. М. Зайончковского⁵⁹, который старался избегать проблем внутренней политики, а в области экономических проблем часто пользовался расхожими штампами. Не идеальным, а часто излишне лапидарным является и изложение им истории боевой работы флота, особенно на Черном море, и Кавказского фронта. Эти недостатки в значительной степени компенсировались работами М. И. Гайдука⁶⁰, В. Н. Ипатьева⁶¹, А. А. Маниковского⁶², А. М. Косинского⁶³, А. К. Коленковского⁶⁴, М. А. Петрова⁶⁵, К. И. Величко⁶⁶, Е. В. Масловского⁶⁷, А. П. Залюбовского⁶⁸, В. Ф. Кирея⁶⁹, Н. В. Новикова⁷⁰, Е. З. Барсукова⁷¹, Н. Г. Корсуна⁷² и многих других. Тем не менее эти работы в меньшей степени учитывались последующей традицией, после А. М. Зайончковского, а что касается политической составляющей, то в СССР она естественным образом полностью находилась под влиянием концепций, изложенных в послереволюционных работах В. И. Ленина. Западная историография в отношении политической истории 1914–1917 гг. полностью находилась под влиянием работ П. Н. Милюкова, прежде всего его «Истории второй русской революции» (первое издание ее первого тома – София, 1921).

Очевидной является задача выхода историографии Февральской революции и последующих событий из схем В. И. Ленина, П. Н. Милюкова, А. Ф. Керенского и частично А. И. Гучкова. Нельзя не заметить, что по самым разным причинам эти четыре человека, оказывавшие столь неоспоримо мощное влияние как на политическую жизнь России, так и на научную версию указанных событий в Советской России и за ее пределами, руководствовались при изложении событий, а вернее при их трактовке, интересами продолжавшейся политической и идеологической борьбы. И если в СССР по естественным причинам господствовала ленинская точка зрения, то в отношении Февраля 1917 г. даже в «Краткий курс истории ВКП(б)» в почти неизменном виде вошли положения, высказанные либералами в отношении царского правительства и отдельных его представителей⁷³. Парадоксально, что при этом в 1960–1980-е гг. советская историография вела жесткий спор с западной по вопросам, в которых де-факто сходилась так же, как правая и левая перчатки, принадлежавшие одному лицу. Разрыв с такой традицией необходим, но уход от политически мотивированной дискуссии не достигается заменой положительных и отрицательных знаков и восклицаний перед или после фамилий исторических личностей.

Что касается западной военной историографии, то в период 1918–1941 гг. по отношению к участию России в Первой мировой войне господствовало скептическое отношение, вызванное поражением и сепаратным выходом из войны накануне победы Антанты. В этом скепсисе легко угадывается разочарование «русским паровым катком», идея которого была столь популярна среди союзников, особенно во Франции, накануне войны.

Несколько особняком от «концепции победителей» стоят оригинальные работы англоязычных авторов межвоенного периода, которые смогли подняться над средним уровнем. Прежде всего стоит назвать У. Черчилля⁷⁴ и У. Чамберлина⁷⁵, выводы которых легли в основу, пожалуй, единственной на настоящее время оригинальной англоязычной работы по данному вопросу – книги бывшего советника правительства М. Тетчер по Восточной Европе и СССР Н. Стоуна⁷⁶.

Работы А. М. Зайончковского, во всяком случае сделанные им выводы, постоянно копируются в попытках достичь схожего уровня обобщения с большей или меньшей степенью научной добросовестности. В последние годы эта тенденция приобрела в России особенно широкое распространение. Не является исключением и заимствование справочного аппарата предшествующего исследователя (часто вместе с ошибками) без указания его имени и работы. Все это неизбежно приводит к понижению профессионализма и ослаблению общей культуры исторического исследования в стране.

В связи с этим необходимость обобщающей работы по участию России в войне 1914–1917 гг. видится мне очевидной. Мой скромный личный потенциал при написании этой книги был значительно подкреплён друзьями и коллегами, существенно помогавшими мне на разных этапах написания данной работы. Приношу свою глубокую благодарность всем им: к. и. н. Ф. А. Гайде (Москва), к. и. н. А. В. Ганину (Москва), к. и. н. Х. Гумбу (Берлин), д. и. н. М. М. Йовановичу (Белград), к. и. н. В. Б. Каширину (Москва), д. и. н. Б. Меннингу (Форт-Ливенворт, Канзас, США), д. п. н. П. Чейсти (Оксфорд), к. и. н. М. М. Шевченко (Москва), д. и. н. К. В. Шевченко (Минск).

Я благодарен А. В. Ганину за предоставленные материалы Государственного архива Российской Федерации, Национального архива Армении и документы Гуверовского архива войны, революции и мира, часть которых также была предоставлена мне Б. Меннингом. А. В. Ганин и В. Б. Каширин все последние годы оказывали мне максимально возможную поддержку и не только с архивными документами, биографическими справками, они неизменно были частью меня самого.

За долгие годы привычка обсуждать то, чем я занимаюсь, с моим другом Максимом Михайловичем Шевченко превратилась в потребность, которую он стоически переносит, и не поблагодарить его за это было бы черной несправедливостью.

2011 г., когда работа над написанием этой книги шла к завершению, выдался особенно тяжелым, и я попросту не знаю, смог бы я пережить его, не имея родственной поддержки Сергея Лебедева и дружеского участия Александра Колпакиди. Моя особая благодарность им и всем тем, кто был рядом в тяжелые дни.

Айрапетов Олег Рудольфович,

к. и. н., доц., кафедра истории России XIX – начала XX в.,
исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова

Накануне австро-германской провокации

Канун Первой мировой войны был отмечен резким ухудшением англо-германских и русско-германских отношений. Гонка вооружений на море и усиление влияния Берлина в Турции – все это прямо или косвенно, но резко и неизменно обостряло противоречия в Европе. Особенно сложным пересечением интересов были Балканы. После двух Балканских войн обстановка на полуострове стала еще более взрывоопасной. Основная тенденция развития приобретала четко выраженный антиавстрийский характер, что было напрямую связано с внутренним положением Дунайской монархии. А последнее уже зависело от обстановки в этом регионе.

Находившаяся в составе Транслейтании, то есть венгерской половины империи, Хорватия тяготилась навязанным ей режимом управления и связывала свои надежды с Сербией. Уже после аннексии Боснии и Герцеговины в Хорватии начались волнения, в ответ на которые правительство провело многочисленные суды. 50 сербов и хорватов были обвинены в измене и заговоре с целью объединить Хорватию с Боснией, Герцеговиной и Сербией. 30 человек, осужденных на каторгу без каких-либо доказательств их вины, апеллировали к высшему уровню судебной инстанции, аннулировавшей приговоры по причине отсутствия достоверных свидетельств. В 1912 г. значительное количество хорватов и сербов, подданных Австро-Венгрии, отправились добровольцами в сербскую армию. Волонтеры приветствовали короля Петра на смотрах криками «Да здравствует наш король!»¹. Демонстрации симпатий в адрес союзников со стороны славянских подданных Габсбургов были тогда многочисленными².

Австро-Венгрия по соглашению с Германией решила предпринять военное и политическое давление на Сербию. Популярнейшим лозунгом окружения наследника престола и партии войны стал «Сербия должна умереть!» (Serben muss sterben!). Империя с 52-миллионным населением всерьез опасалась страны, в которой насчитывалось всего 4,5 млн человек³. Возможность избавиться от этих страхов предоставляла или превентивная война против Сербии, в случае если ее удастся ограничить рамками австрoserбского конфликта, или в противном случае превентивная война против России и Сербии. Осознавая возможность войны с Россией при реализации планов подобной агрессии, Берлин и Вена активно готовили общественное мнение к мысли о ее неизбежности. Инициатором кампании был, конечно, старший партнер Австро-Венгрии.

10 (23) февраля 1914 г. начальник штаба Киевского военного округа докладывал начальнику Главного управления Генерального штаба (ГУГШ): «В Германии в настоящее время исподволь начинают готовить войска и население к мысли о неизбежности столкновения с Россией. Среди намеченных мер обращает на себя внимание популяризация этой мысли в ряде чтений на соответствующие темы в войсках и общественных аудиториях»⁴. Это было результатом заранее подготовленной и продуманной программы. Австрийцы в этом отношении уступали немцам по уровню организованности и несколько опаздывали. Еще 24 января 1914 г. в Вене прошло совещание высших чинов Военного министерства, на котором рассматривался список первоочередных действий по повышению уровня боеспособности австро-венгерской армии⁵. В нем среди прочих, по донесениям русской разведки, содержалось и такое положение: «Необходимость скорейшего принятия мер, однородных с германскими, для подготовки общественного мнения по вопросу о вероятности участия Австрии в союзной войне против России»⁶.

Вскоре союзники перешли к публичным акциям. В германской и австро-венгерской прессе появились многочисленные статьи с призывами к превентивной войне. Начало им положила статья «Русский сосед», опубликованная 9 марта 1914 г. в газете Berliner Tageblatt. Она

была посвящена проблеме русской угрозы Австро-Венгрии. Даже британский посол в Германии счел необходимым обратить внимание своего министра на данную публикацию. Утверждения этой статьи действительно достойны упоминания: «Если какая-либо из европейских великих держав нуждается в поддержке мирных тенденций, то это Австро-Венгрия. В каком бы направлении эта монархия ни захотела направить свою армию, ее противник всегда найдет расовую поддержку и симпатию внутри ее собственных приграничных районов. Армия является самым сильным связующим элементом империи и важнейшей поддержкой династии, и события нескольких последних лет убедительно доказали, что армия будет призвана для защиты империи только в наиболее исключительных случаях»⁷. Далее цитировались высказывания князя Отто фон Бисмарка о том, что хотя превентивная война является самоубийством, совершенным из боязни смерти, но обстоятельства таковы, что цивилизованной Европе необходимо сделать выбор между вооруженной до зубов Россией, готовой в любой момент нанести Coup de Grace Дунайской монархии, и союзом, объединившим это государство с Германией. Статья заканчивалась весьма символично: «В Вене и Будапеште многие пришли к выводу, что ужасный конец лучше бесконечного ужаса»⁸.

Подобные заявления появлялись и в других германских газетах, при этом правительство не проявляло желания сдерживать русофобскую кампанию⁹. Впрочем, смысл ее был достаточно очевиден. 31 мая (13 июня) 1914 г. в Государственной думе прозвучала примечательная речь Б. А. Энгельгардта, в которой он заявил, что шумиха в германской и австро-венгерской прессе была необходима этим государствам для оправдания собственных военных расходов. Действительно, штатный состав германской армии увеличился в 1911 г. на 10 тыс. человек, в 1912 г. – на 29 тыс., в 1913 г. – на 117 тыс., таким образом всего на 30 %. Законы, принятые в Австро-Венгрии с 1912 по 1913 г., способствовали росту численности армии в мирное время на 210 тыс. человек, то есть на 64 %. На фоне этого увеличение контингента новобранцев русской армии в 1914 г. на 114 тыс. человек, то есть на 30 %, явно не выглядело угрозой Берлину и Вене¹⁰.

«Я полагаю, – сказал Б. А. Энгельгардт, – что нам нечего обращать внимание на шумиху иностранной печати и на решение Штутгартского съезда (всенемецкий съезд, принявший резолюцию о том, что после окончания Балканских войн возросла угроза войны ввиду подготовки России к нападению на Германию и Австро-Венгрию. – А. О.). Нечего нам прислушиваться к успокоительным заверениям дипломатов, успокоительные речи ничего не стоят. Вооружение стоит весьма дорого и, очевидно, надо считаться не с успокоительными речами, а с дорогостоящим вооружением. Глядя на вооружение Германии и Австрии, нам приходится осознать, что и нам необходимо вооружаться. Для того чтобы играть ту роль, которая принадлежит России по праву, она должна иметь армию сильную, и точнее армию сильнейшую, чем у ее соседей, сильнейшую не только численно, но и качественно»¹¹.

Такова была думская реакция на воинственные настроения в Германии и, по словам германской прессы, в столицах ее союзницы. Этим заверениям можно было верить. 25 февраля (10 марта) 1914 г. русский генеральный консул в Будапеште докладывал поверенному в делах в Вене И. А. Кудашеву: «Газеты, субсидируемые Министерством иностранных дел, вновь начали всячески убеждать своих читателей в агрессивности политики России, приводя в доказательство как те меры, которые действительно принимаются у нас для естественного развития нашей боевой мощи, так и те, которые, по-видимому, измышлены самими газетами. Замечательно, что совершенно в том же духе, хотя и не называя прямо России, решился выступить и венгерский военный министр, защищая новые военные законопроекты перед Палатой магнатов 13 (27) февраля. Ближайшая цель этой кампании ясна – убедить венгерское общественное мнение в необходимости тех тяжелых жертв людьми и деньгами, которые будут возложены на народы

монархии с принятием упомянутых законопроектов... Отсюда – стремление сделать войну с Россией и популярной, и желательной, и притом в ближайшее время»¹².

В высшей степени характерно, что союзники России подозревали ее в отсутствии готовности к тому, чего так опасались ее противники. В конце 1913 – начале 1914 г. в прессе союзной Франции появились статьи о военной слабости России, медлительности ее мобилизации и прочем. Одним из инициаторов этой кампании стал французский военный агент в России, с осени 1910 г. информировавший Военное министерство о значительных прогерманских настроениях в России и о том, что она избрала оборонительную стратегию в будущей войне на своих западных границах¹³. Последовала реакция в независимой прессе свободной страны. Примером такого рода французской журналистики может служить статья «Si la guerre eclerait demain? Il y a la Russie!», опубликованная 23 декабря 1913 г. в «Корреспондант» (Correspondant). Совпадая с проведением очередной подписки на так называемый «русский займ», подобные публикации существенно влияли на курс русских бумаг, да и на отношение к России. Русское посольство и атташат активно следили за происходящим. 9 (22) января 1914 г. военный агент полковник граф А. А. Игнатъев докладывал генерал-квартирмейстеру ГУГШ генералу Ю. Н. Данилову: «Вашему превосходительству небезызвестно, что одним из главных устоев нашего союза является глубокая и слепая вера французского народа в нашу военную мощь и нашу готовность использовать эту мощь в тот день, когда существование Франции будет поставлено на карту»¹⁴.

За двадцать лет, прошедших со времени заключения русско-французского блока, изменилось многое. Начало XX в. было временем приближающейся первой волны разочарования французов в русском союзе, свидетелем которого стал один из его творцов – генерал Н. Н. Обручев. 17 (30) ноября 1902 г. военный министр генерал А. Н. Куропаткин записал в своем дневнике: «Обручев, только что приехавший из Франции, указал, что охлаждение к нам уже замечается. Что социалисты и радикалы, в руках коих теперь находится власть, с недоверием относятся к России, ибо самодержавный режим им ненавистен»¹⁵.

За эти годы Россию начали узнавать, после революции 1905–1907 гг. она во многом утратила популярность, поражение в Русско-японской войне убавило убежденности в безграничности ее силы, тем не менее вера в русскую армию оставалась действенным элементом союза и кредита правительства на французском рынке ценных бумаг. К 1913 г. Россия была должна Франции 17 млрд франков, при этом на внешние государственные займы приходилось 10,616 млрд. Следует отметить, что Франция в качестве торгового партнера России (на 1910 г.: ввоз – на 53,368 млн, вывоз – на 93,7 млн рублей) значительно уступала Германии (на 1910 г.: ввоз – на 440,951 млн, вывоз – на 390,6 млн рублей) и Великобритании (на 1910 г.: ввоз – на 153,547 млн, вывоз – на 314 млн рублей)¹⁶. У союза с Россией были финансовая подоплека и стратегическая основа, но он практически не имел экономической составляющей. Такая комбинация могла основываться только на чувствах и вере в Петербург как гаранта безопасности Парижа. Теперь эта вера ставилась под вопрос, во всяком случае частью общественного мнения республики. В немалой степени подъему критики в адрес России способствовало и повышение уверенности в собственных силах – морских и сухопутных, о чем сообщали с 1911 г. русские дипломаты¹⁷.

Не будет преувеличением сказать, что французская печать уделяла пристальное внимание русской армии. В 1909 г. с подачи Министерства иностранных дел и военного ведомства она забила тревогу по поводу упразднения русских крепостей в Царстве Польском, видя в этом и результат влияния немецкой партии при русском дворе, и желание русского генералитета занять пассивную оборону в начальный период будущей войны¹⁸. Если первое предположение было чистой воды фантазмагорией, то второе до известной степени отражало реалии. Русская армия еще не оправилась от проигранной войны и революции и не была готова к активным действиям в случае нового столкновения. В этом и коренилась смертельная опасность для

Франции. После боснийского кризиса многие газеты и журналы выступили со статьями, убеждавшими своих читателей, что в армии союзника начались перемены к лучшему и что она уже восстановила свою боеспособность, а в будущем явится гораздо более серьезной силой¹⁹.

В феврале 1912 г. в Москве был собран съезд начальников окружных штабов и генерал-квартирмейстеров, чтобы рассмотреть вопрос о целесообразности и возможности нанесения главного удара по Австро-Венгрии. В 1912 г. ГУГШ не сомневался в том, что в случае войны Германия большую часть своей армии развернет против Франции, оставив на восточных границах небольшие силы для прикрытия. План, предусматривавший возможность обороны на первом этапе войны, устарел²⁰. 15 (28) февраля под руководством генерала Я. Г. Жилинского началась работа.

Проект нового плана был представлен начальником штаба Киевского военного округа генералом М. В. Алексеевым²¹, это была записка под названием «Общий план действий». В ней он совершенно верно оценил, что глубина австро-итальянского антагонизма исключает вступление Италии в войну на стороне противников Антанты, а кроме того, Германии придется учесть вероятность выступления Англии на стороне русско-французского союза. На основании всего этого генерал делал совершенно правильный вывод о том, что главный удар немецкая армия нанесет против Франции. Он снова предложил нанести главный удар против Австро-Венгрии, выделив для действий против Восточной Пруссии около шести корпусов: «Австрия, бесспорно, представляется нашим основным врагом; по количеству выставляемых сил она же будет опаснейшим противником. Успехи, одержанные против Австрии, обещают нам наиболее ценные результаты; сюда, казалось бы, и следует решительно, без колебаний, направить наши войска»²².

Совещания шли с 11 часов утра до 7 часов вечера в здании штаба округа без перерыва. «Спасибо еще, что штаб Московского округа расщедрился и дал чаю с бутербродами, а то совсем пришлось бы тяжело, – писал на третий день работы М. В. Алексеев. – Сегодняшним днем я все-таки доволен; то, что пришлось говорить, мысли, которые считал нужным высказать, – приняты и в мере возможного будут приняты к осуществлению, если только военный министр в присутствии командующих войсками присоединится к решениям, принятым сегодня. Доволен вовсе не потому, что принято «мое», но потому, что это подсказывается сутью дела, вытекает из требований разума. Мы еще далеки от смелого размаха и соответствующего решения, все еще сильны останавливаться на половине пути, но и то, что принято, составляет такой шаг вперед в смысле ясности и определенности, что я вправе быть довольным»²³.

В какой-то степени эти предложения были учтены при подготовке к войне, в частности в отношении особого внимания к Галиции. Именно после этого совещания были приняты знаменитые планы «А» и «Г», каждый из которых предусматривал наступление и на австрийском, и на германском направлениях. Даже в случае нанесения основного удара по Германии задачи русской армии формулировались следующим образом: «Наша задача. Обеспечение сосредоточения всех армий в избранных районах, замедляя наступление противника. Вслед за этим – для войск, действующих против Германии, переход в наступление вторжением в Восточную Пруссию, а для войск, действующих против Австрии, вторжение в Восточную Галицию из пределов Киевского военного округа, замедляя наступление австрийцев в пределы Варшавского военного округа»²⁴. Задачи плана «А» формулировались более расплывчато, но тоже предусматривали перенос военных действий на территорию противника.

Многое при этом зависело от того, как будет действовать Германия. В распоряжении кайзера была огромная сила: 216 полков пехоты и 18 егерских батальонов (633 батальона), 103 полка кавалерии (510 эскадронов), 94 полка артиллерии (574 батареи). При этом 23 корпуса мирного времени (17 прусских, включая гвардейский, три баварских, два саксонских, один вюртембергский) в случае мобилизации увеличивались еще на два корпуса. В таком случае 58

дивизий полевых войск (714 батальонов, 459 эскадронов, 3948 легких и 388 тяжелых орудий) при поддержке 41 резервной дивизии давали в первую линию германской армии 102 пехотные (1260 батальонов), 11 кавалерийских (597 эскадронов) дивизий, 922 легкие батареи (5532 орудия), 97 тяжелых батарей (388 орудий), всего 1260 тыс. штыков, 89 550 сабель при 2514 пулеметах. Германия имела 4477 тыс. обученных и 5390 тыс. необученных военнообязанных²⁵.

Неудивительно, что выбор между двумя планами действий русской армии определялся направлением главного удара ее германской противницы. Однако его так и не сделали, и было принято паллиативное решение, предусматривавшее возможность проведения одновременно двух наступлений, при этом на более или менее существенное превосходство в силах русская армия могла рассчитывать только на германской границе. На восточно-прусском направлении, где ожидалась концентрация от 16 до 25 немецких дивизий, предполагалось сосредоточить 30 дивизий (из них 11 второочередных), а на австрийском – 48,5 (из них 13 второочередных), которые могли встретить от 43 до 47 дивизий противника. Кроме того, два корпуса выделялись в армию обеспечения и пять корпусов из Сибири и Туркестана, прибывавших на фронт в последнюю очередь, становились резервом Верховного главнокомандования²⁶.

18 февраля (2 марта) 1912 г. М. В. Алексеев писал: «В общем совещания наши подходят к концу. Теперь то же самое, но очень старательно предстоит проделать перед иным почтенным собранием. Если ко всему намеченному присоединится военный министр, то я скажу, что время не потрачено даром; кое-какой шаг вперед мы делаем, кое к чему приходим. Лишь бы не прозевали и не упустили весною минуты, если нам весною придется воевать. Но мы так боимся «дерзать», так опасаемся израсходовать раньше времени «грош», что я боюсь и в наших богов не особенно верую. На бумаге – ладно, а чтобы оказалось ладно и в жизни, нужно уметь, как я сказал, «дерзать». Мы разучились делать это»²⁷. При этом генералы и в Петербурге, и в Москве не разучились вести себя довольно воинственно и, как это ни странно, не особенно скрывали то, чем они занимались.

Проезжавший через Москву русский посол в Австро-Венгрии встретился с директором архива МИДа в Первопрестольной и счел необходимым с тревогой сообщить С. Д. Сазонову: «Он (то есть князь Львов. – А. О.) обратил мое внимание на совещание генералов в Москве, которые изучают мобилизационные планы и совершенно открыто говорят об очень близкой войне с Австро-Венгрией... К сожалению, в Петербурге в военных кругах я также слышал воинственные речи по отношению к Австрии. Говорят слишком много»²⁸. Почтенное собрание, о котором писал М. В. Алексеев, должно было рассмотреть проекты будущих начальников штабов Германского и Австро-Венгерского фронтов – генералов Н. А. Ключева и самого М. В. Алексева. В марте того же 1912 г. они получили указание детализировать выполнение поставленных перед их фронтами задач. Генерал Н. А. Ключев ограничился общими рассуждениями. Важно отметить, пожалуй, его мысль о том, что в первые 12 дней мобилизации, пока не будет выяснена дислокация германских частей и закончено сосредоточение русских, перевозка последних могла производиться вне зависимости от того, какой план принят при начале мобилизации. Сам же он склонялся к принятию плана «А».

Педантичный М. В. Алексеев представил гораздо более детальный проект действий. Он исчислял силу противника в 13 корпусов, из которых семь будут наступать в тыл Варшавского округа в направлении на Люблин и далее на Брест с целью гигантского окружения, о чем, кстати, и мечтал Ф. Конрад фон Гетцендорф. Учитывая превосходство противника в сроках мобилизации, М. В. Алексеев предлагал на первом этапе до сбора главных сил ограничиться обороной и сорвать планы австрийского командования²⁹, а после этого перейти в контрнаступление с целью разгрома противника в пределах Галиции. Особое внимание он уделял тому, чтобы не дать возможность австро-венгерской армии отступить на юг к Днестру или на запад к Кракову³⁰. Таким образом, фактически предлагалась концепция большого пограничного сра-

жения, успешное завершение которого позволило бы овладеть Карпатами и выйти на Венгерскую равнину.

Париж был информирован о результатах московских совещаний: для французов уже не составляло секрета, что Россия готовится к наступательным действиям в будущей войне³¹. На рубеже 1913–1914 гг. тон французской прессы изменился. «Декабрьские и январские выпуски французских журналов, – отмечал в феврале 1914 г. «Военный сборник», – оживленно обсуждают ту степень содействия со стороны России, на которую Франция может рассчитывать на будущую войну. Нельзя сказать, чтобы ворох статей на эту тему производил особенно выгодное впечатление. Некоторые статьи носят несерьезный, рекламный характер; тон других – неприятен»³². Речь шла прежде всего именно о публикации в «Корреспондант», где, в частности, говорилось и о том, что, поскольку именно сейчас Россия нуждается в деньгах, настало наиболее удобное время для «стратегического вымогательства», то есть принуждения русской армии выбрать именно германское направление своим основным стратегическим приоритетом, а русского правительства – к приоритету железнодорожного строительства на западных границах³³.

Необходимо отметить, что военные республики не были столь пессимистичны в оценке состояния русской армии и не столь бесцеремонны в действиях и пожеланиях. При встрече с русским военным агентом во Франции полковником А. А. Игнатьевым генерал Ж. Жоффр счел необходимым высказать свое отношение к подобного рода публикациям и реформам, идущим в русской армии: «У нас не представляют себе, какая огромная работа идет в настоящее время в вашей армии»³⁴. Публикации во французской прессе были названы в «Военном сборнике» «клюквой», там содержались столь очевидные ошибки, что армейский журнал не мог не удивиться: «Русская армия имеет столь колоссальное значение для Франции – и французские журналисты ленятся изучать ее хотя бы по немецким справочникам»³⁵. В защиту России (и «русского займа») выступил орган финансистов *Debats*. А. А. Игнатьев счел необходимым передать пожелание русского посла во Франции А. П. Извольского дать отпор «Корреспондант» в «некоторых серьезных органах нашей прессы»³⁶. Вслед за союзниками вскоре выступили и противники.

Помощник управляющего делами Совета министров А. Н. Яхонтов вспоминал, что в правительстве обращали внимание на рост воинственных заявлений в германской и австрийской прессе: «Некоторыми немецкими журналистами и писателями настойчиво проводилась мысль о необходимости войны, дабы остановить поступательное развитие мощи России»³⁷. Русский посол в Великобритании граф А. К. фон Бенкендорф обращался к С. Д. Сазонову 28 февраля 1914 г.: «Это запугивание войной, производимое германской прессой, – отвратительный и неприятный, если только не опасный симптом. Лишь бы только русская пресса задерживалась на этом не слишком долго; необходимо дать решительный ответ в течение одного или двух дней. Хочется думать, что так это и будет»³⁸. Так оно и случилось.

27 февраля 1914 г. в вечернем выпуске «Биржевых ведомостей» вышла статья, инспирированная военным министром генералом В. А. Сухомлиновым, которая называлась «Россия хочет мира, но готова к войне»³⁹.

Однако эта статья, утверждавшая, что русская армия полностью готова к будущему испытанию на поле боя, скорее укладывалась в русло германской пропаганды, чем осаживала ее русофобию. Неслучайно «Локаль анцайгер» (*Local Anzeiger*) перепечатала ее под названием «Россия готова; Франция также должна быть готова». И хотя даже в немецком варианте осталось заявление о том, что ни Петербург, ни Париж не желают войны, реакция германских политических кругов была очень острой⁴⁰. Тем не менее уже

28 февраля (13 марта) статс-секретарь по иностранным делам Готлиб фон Ягов встретился с русским послом в Германии С. Н. Сербеевым и заявил, что германское правительство

не поддерживает алармистские настроения своей прессы. В тот же день «Норддойч алгемицейтунг» (Norddeutsche Allgemeine Zeitung) опубликовала заметку, соответствующую его заявлениям, где сообщалось, что Германия не имеет оснований для беспокойства⁴¹. Тем не менее беспокойство все же демонстрировалось.

Министра иностранных дел Великобритании для разговора по поводу сухомлиновской статьи даже посетил германский посол князь Макс фон Лихновский. Эдуард Грей попытался успокоить его, заявив, что не надо придавать особого значения публикациям газет вроде «Нового времени», где, кстати, вскоре появилась и статья острой антианглийской направленности. Э. Грей, судя по его собственным словам, не обратил на нее внимания⁴². При этом М. фон Лихновский вел себя так, как будто бы вечернему выпуску «Биржевых ведомостей» от 12 марта ничего не предшествовало, в том числе и публикации в «Таймс» статьи «Что это значит?» относительно нападок на Россию в германской прессе, по поводу которой он вынужден был давать объяснения Э. Грею 10 марта 1914 г.⁴³ Впрочем, князь всего лишь исполнял инструкции. Сам он весьма скептически относился к алармистским настроениям в Берлине, а на тревоги Теобальда фон Бетман-Гольвега отвечал, что слышит рассказы о подготовке России к войне в ближайшее время уже в течение трех десятилетий⁴⁴. Правда, эта точка зрения не относилась к числу распространенных в Германии и Австро-Венгрии.

Один из генералов австрийской армии обратился к подданным империи с призывом собрать на нужды ее обороны 700–800 млн крон. Сделать это было совершенно необходимо для сохранения государства от русской угрозы⁴⁵. С 1868 г., когда в Дунайской монархии была введена всеобщая воинская повинность, по финансовым и другим соображениям только 20 % молодых мужчин призывного возраста прошли через службу в армии. Требования экономии привели к тому, что вместо положенных по закону трех лет солдаты часто служили только два года, после чего посылались в долгосрочный отпуск⁴⁶. С 1873 г. армия Австро-Венгрии крайне слабо финансировалась. С 1890 по 1907 г. военные расходы империи увеличились всего на 35 %, в то время как расходы по Министерству внутренних дел – на 102 %, по Министерству народного просвещения – на 102 %, по Министерству финансов – на 81 %, по Министерству торговли и путей сообщения – на 279 %, Министерству земледелия – на 111 %, Министерству юстиции – на 83 %⁴⁷.

За десятилетие 1903–1913 гг. рост военного бюджета начался только после аннексии Боснии и Герцеговины в 1908 г., однако и он был недостаточен. В 1907 г. расходы на армию составили 350,486 млн, в 1908 г. – 442,599 млн, в 1909 г. – 523,356 млн крон, но в 1910 г. они уже упали до 366,571 млн и к 1913 г. достигли лишь 430,935 млн.⁴⁸ В 1911 г. на семилетнюю программу усиления армии и флота было выделено 200 млн крон, а в 1912 г. генерал Мориц фон Ауффенберг, тогда военный министр, внес проект экстраординарного военного кредита в 250 млн, большая часть которых должна была пойти на перевооружение артиллерии. Но эти проекты не успели получить полную реализацию⁴⁹.

Артиллерия австрийской армии состояла из 45 полевых пушечных полков (168 батарей, 1008 орудий), 14 полевых гаубичных полков (56 батарей, 336 орудий). В составе ландвера числилось восемь полевых дивизионов (16 батарей, 96 орудий), восемь конно-артиллерийских дивизионов (24 батареи, 96 орудий) и 14 тяжелых гаубичных дивизионов (28 батарей, 112 орудий). Гонвед имел семь артиллерийских полков (36 пушечных батарей, 144 пушки, 10 гаубичных батарей, 40 гаубиц)⁵⁰. Осадная артиллерия состояла из 97 четырехорудийных батарей (388 орудий), в основном это были орудия от 150 до 210 мм, но в 1912 г. благодаря М. фон Ауффенбергу завершались работы над новой 30,5-см мортирой на автомобильной тяге – новейшего и одного из самых мощных орудий своего времени⁵¹.

Армия Австро-Венгрии состояла из 16 корпусов, 33 пехотных, восьми ландверных и семи гонведных пехотных, шести кавалерийских дивизий⁵². Она насчитывала 102 пехотных, четыре тирольских имперских стрелковых, четыре босно-герцеговинских пехотных полка, 28 стрелковых и один босно-герцеговинский стрелковый батальон (всего 467 батальонов)⁵³, 42 кавалерийских полка (15 драгунских, 16 гусарских, 11 уланских – всего 252 эскадрона)⁵⁴. Австрийский ландвер насчитывал 35 пехотных, два горных, шесть уланских полков⁵⁵, дивизион тирольских и дивизион далматинских конных стрелков (41 эскадрон)⁵⁶. Гонвед Венгрии имел в своем составе 28 пехотных полков и одну отдельную Фиумскую роту⁵⁷, а также 10 гусарских полков (60 эскадронов)⁵⁸. Число обученных солдат в возрасте от 21 до 34 лет в 1912 г. равнялось 1419 тыс.: из них под знаменами – 297 тыс. (21–23 года), в резерве – 567 тыс. (24–30 лет), в ландвере и гонведе – 403 тыс., два класса ландштурма – 152 тыс. (33–34 года). А вместе со слабо обученными их количество составляло до 2200–2250 тыс. человек⁵⁹.

Резко увеличить эту численность было невозможно из-за финансовых проблем. «Явная слабость нашей армии, – вспоминал граф Оттокар фон Чернин, – отнюдь не была виной отдельных солдат, а, скорее, продуктом всех условий государственного строя Австро-Венгрии. Она была плохо снаряжена и вступила в войну с очень незначительной артиллерией; виноваты в этом ряд военных министров и парламенты»⁶⁰. К 1913 г. расходы подданных Франца-Иосифа на пиво, вино и табак втрое превосходили траты на имперскую оборону. Ежегодно военное обучение проходили 0,29 % населения империи, в то время как во Франции – 0,75 %, в России – 0,35 %, в Италии – 0,37 %. Численность австрийской армии мирного времени, составлявшая 27 тыс. офицеров и 442 тыс. солдат, равнялась 0,91 % населения страны. В результате к началу войны Австро-Венгрия смогла выставить армию в 2265 тыс. (из них в поле – 1400 тыс., по сравнению с Францией, которая при населении в 37 млн выставила в поле 2150 тыс.⁶¹, а призвала 4 млн) из населения в 52 млн человек⁶².

Один из австрийских писателей предвоенного периода, творивший под весьма ярким псевдонимом Кассандер, обращался к своим читателям: «Вооружайтесь, вооружайтесь. Вооружайтесь для решительного боя. Балканы мы должны приобрести. Нет другого средства для того, чтобы остаться великой державой. Для нас дело идет о существовании государства, об избежании экономического краха, который, несомненно, повлечет за собой распадение монархии. Для нас дело идет о том, быть или не быть. Наше тяжелое экономическое положение может быть улучшено только тогда, когда мы приобретем Балканы как исключительную, нам принадлежащую колонию, для сбыта нашего промышленного производства, вывоза излишка населения и нашего духовного перепроизводства. Вооружайтесь, вооружайтесь. Приносите деньги лопатами и шапками, отдавайте последний грош, сплавляйте кубки и серебро, отдавайте золото и драгоценные камни на железо. Предоставляйте ваши последние силы на вооружение неслыханное, какого еще свет не видел, ибо дело идет о последнем решительном бое великой монархии. Дайте ружье в руки отрока и вооружайте старца. Вооружайтесь беспрестанно и лихорадочно, вооружайтесь днем и ночью, чтобы быть готовыми, когда настанет день решения. Иначе дни Австрии сочтены»⁶³.

Эти призывы не остались не услышанными. На 1914–1915 гг. были приняты бюджет армии в 575 939 415 крон (по сравнению с 430,935 млн в 1913 г.) и бюджет флота в 177 266 710 крон (по сравнению с 143,657 млн в 1913 г.)⁶⁴. Уточненный военный бюджет на 1914 г. был принят только на первое полугодие. При этом всего на сухопутную армию выделялось 632 119 195 крон, из которых почти половина (316,678 млн) пошла на «мероприятия, связанные с Балканскими войнами». У этого бюджета была еще одна особенность: в нем отсутствовало расписание частей с указанием их штатного состава, и цифры расходов не позволяли судить о

планируемых мероприятиях⁶⁵. Контекст происходившего становился все более очевиден. Не менее очевидно было и другое: для того чтобы эти расходы привели к кардинальному улучшению положения в австро-венгерской армии, требовалось время, и в 1914 г. она входила полностью готовой только к войне с Сербией, но никак не с Россией⁶⁶.

Австрийский дипломат граф О. фон Чернин незадолго до войны встретился в столице Турции с послом Австро-Венгрии маркграфом Яношем фон Палавиччини. Этот представитель старой школы австрийского МИДа, много лет проработавший на Востоке, высказал свои опасения по поводу приближавшейся европейской войны. Для того чтобы избежать катастрофы, Австро-Венгрия, по его мнению, должна была отказаться от своей политики на Балканах, особенно в духе графа Алоиза фон Эренталя. Такая жертва могла предотвратить конфликт с Россией. Граф О. фон Чернин передал содержание своего разговора с Я. фон Палавиччини наследнику престола. На Франца-Фердинанда эти слова произвели «сильное впечатление», и он обещал поговорить по этому поводу с императором⁶⁷.

Безусловно, часть австро-венгерского политического руководства опасалась войны, но такие люди были в меньшинстве. Пропагандистская вспышка идей превентивной войны в германо-австрийской печати была далеко не безобидной и не случайной, ибо к этому времени уже имелось решение о военной провокации против Сербии. 1 (14) марта 1914 г. русский генеральный консул в Будапеште сообщал в МИД: «Узнаю из секретного источника: на 26 июня назначены четырехнедельные маневры. Запасные офицеры уже получили повестки. Место сбора не указано. Вероятно, маневры будут на юге Венгрии и в Боснии по сербской границе, примут участие четыре корпуса: Рагузский, Загребский, Темешварский и Надь-Себенский в присутствии наследника»⁶⁸.

Даже во время боснийского кризиса, в сентябре 1908 г., ежегодные маневры в присутствии Франца-Фердинанда проводились вдалеке от границы – в районе Балатона, и в них участвовал только венгерский гонвед, 90 тыс. солдат и офицеров при 280 орудиях. В сентябре 1909 г. в императорских маневрах принимали участие три корпуса и две кавалерийские дивизии, но они проводились в Моравии. В сентябре 1911 г. маневрировали уже четыре корпуса (10 дивизий) и две кавалерийские бригады, к которым потом присоединилась еще одна дивизия пехоты. Но и эти маневры проводились в глубине австрийской территории – на Дуклинском перевале в Карпатах. Через год маневры проходили в южной Венгрии, на равнине между Тиссой и Трансильванскими Карпатами, и в них участвовали три корпуса и две кавалерийские дивизии⁶⁹. Теперь готовились гораздо более серьезные учения и к тому же на самой границе с Сербией.

Следует напомнить, что четыре армейских корпуса составляли четверть австро-венгерской армии (16 армейских корпусов), ровно столько, сколько планировалось выделить на *Minimal Gruppe Balkan*, предназначенной для разгрома Сербии. В начале мая в столице Трансильвании были проведены совещания по внешней политике. Наиболее резко выступали против России люди из окружения наследника престола. 6 (19) мая 1914 г. русский посол в Австро-Венгрии Н. Н. Шебеко писал С. Д. Сазонову: «Вышеозначенные

выступления приверженцев эрцгерцога Франца-Фердинанда вместе с целым рядом статей, направленных против России и ее агрессивных будто бы мероприятий, появившихся в последнее время в *Reichpost*, которая является органом наследника престола, может служить некоторым показателем того настроения, которое господствует в Бельведере и окружающих его военных и клерикальных кругах»⁷⁰.

Желая снизить накал противостояния, русский министр иностранных дел 10 (23) мая 1914 г. выступил в Думе с программной речью о внешней политике, в которой подчеркнул отсутствие непримиримых противоречий с соседями. С. Д. Сазонов заявил, что союз России с Францией и дружба с Англией крепнут и развиваются. «При этом, – подчеркнул он, – считая своим долгом отметить, что как с годами исчезло беспокойство, обнаружившееся в пер-

вые времена существования Тройственного союза, так теперь надо надеяться, все уже могут спокойно относиться к народившемуся позднее новому сочетанию держав, именуемому Тройственным соглашением. Лишенное всякой агрессивности, оно только поддерживает необходимое равновесие в Европе и, как мы видели недавно, всегда готово сотрудничать с Тройственным соглашением в общих интересах сохранения мира. Принадлежность к одной группировке, разумеется, не исключает добрых отношений к остальным державам. В частности, мы продолжаем стремиться к поддержанию давнишних дружеских отношений с Германской империей»⁷¹.

Особое внимание в речи было уделено и Австро-Венгрии: «Сделанное недавно в делегациях заявление австро-венгерского Министерства иностранных дел о том, что отношения между Россией и двуединой монархией носят вполне дружеский характер, и выраженная министром надежда, что таковые сохранят этот характер и впредь, соответствуют и нашему взгляду на взаимоотношения обоих государств, а также нашему искреннему желанию поддерживать хорошие отношения с нашими соседями»⁷². Миротворческие призывы и заявления русского министра остались неслышанными. В Берлине и Вене готовили новые действия на Балканах, и в качестве цели был выбран Белград.

Планы провокации против Сербии обсуждались 12 июня 1914 г. во время встречи Вильгельма II с эрцгерцогом Францем-Фердинандом в замке Конопиште (Чехия), вскоре после чего наследник австро-венгерского престола отбыл на маневры в Боснию, имевшие самый провокационный по отношению к Сербии характер: их начало было назначено в Видовдан (Видов день) – траурный день для сербов, поминавших героев битвы с турками на Косовом поле в 1389 г. Положение в Боснии и Герцеговине было чрезвычайно сложным. Крестьянство, по преимуществу сербское, бедствовало, между тем именно из этого сословия выходила активная часть местной интеллигенции, стремившаяся получать образование в Белграде и, естественно, ориентировавшаяся в культурном и политическом отношении на Сербию. За 30 лет пребывания под властью Габсбургов в конфессиональной структуре провинции произошли изменения.

К моменту приобретения Веней Боснии и Герцеговины в 1879 г. православные составляли 43 % населения (496 тыс.), католики, значительная часть которых еще называла себя сербами, – 18 % (209 тыс.), мусульмане – 39 % (448 тыс.). В результате политической и экономической эмиграции к 1910 г. процент мусульман снизился до 33 %, православных осталось 43 %, а количество католиков увеличилось до 23 %. При этом абсолютное большинство землевладельцев (91 %) и крестьян-собственников (57 %) по-прежнему были мусульманами, а большинство арендаторов (74 %) – православными. 77 % крестьян-собственников владели участками земли менее пяти гектаров. Малоземелье провоцировало эмиграцию за пределы провинции, ее города не могли предоставить возможности трудоустройства – в немногочисленных мелких мастерских работали около 13 300 человек⁷³.

Переход Боснии и Герцеговины под контроль Вены отнюдь не усилил Австро-Венгрию, а наоборот, создал новую и очень сложную проблему для империи. После подавления восстаний конца 1870-х – начала 1880-х гг. австрийское управление было твердым, но осторожным. Ситуация изменилась после аннексии, вызвавшей раздражение и недовольство. Австрийские власти ужесточили режим военного управления: с 1909 по 1914 г. по обвинению в предательстве и шпионаже под суд в этой провинции были отданы 166 человек. Результатом стала радикализация настроений молодежи. В 1910 г. Боснии и Герцеговине был дарован ландтаг, а при его открытии 15 июня на губернатора Боснии и Герцеговины генерала М. Варешанина было совершено покушение. Стрелявший – Богдан Жераич, серб из Герцеговины, сделал пять неудачных выстрелов, после чего покончил жизнь самоубийством. Поступку Б. Жераича был посвящен памфлет «Смерть героя», призывавший отомстить за него⁷⁴.

Сараевское убийство и первая реакция на него

В 1908 г. в ответ на аннексионный кризис в Сербии была основана организация «Народная оборона» («Народна одбрана»), которая действовала как в Сербии, так и в Боснии и Герцеговине. Она ставила перед собой преимущественно культурно-просветительские задачи, но одновременно занималась набором добровольцев в сербскую армию и прочим. В 1909 г. «Народная оборона» была реформирована и стала заниматься исключительно культурной деятельностью. В 1911 г. в Белграде возникла подпольная организация «Объединение или смерть», получившая другое название от своих противников – «Черная рука». Значительную часть ее руководства составили кадровые офицеры сербской армии, участники переворота 1903 г. во главе с полковником Драгутином Дмитриевичем. Многие из них были недовольны последствиями аннексионного кризиса и действовали независимо от правительства. Организация ставила перед собой цель объединения южных славян, включая Боснию и Герцеговину, Черногорию, Македонию, Словению, Хорватию и Старую Сербию, то есть Косово. «Черная рука» вошла в контакт с организацией боснийских революционеров «Молодая Босния» («Млада Босна»). В результате накануне поездки Франца-Фердинанда для покушения на него были отобраны шесть кандидатов, получивших с армейских складов четыре браунинга, шесть бомб, ампулы с цианидом для совершения самоубийства и карту Боснии¹.

Премьер-министр Никола Пашич знал о существовании тайного офицерского общества и не без основания опасался его, но в целом имел о нем смутные представления. Тем не менее сербское правительство сочло необходимым заранее через дипломатические каналы предупредить наследника австро-венгерского престола об опасности поездки в Боснию. За неделю до планируемого начала маневров сербский посланник в Вене Йован-Пижон

Йованович посетил Министерство иностранных дел Австро-Венгрии и сообщил, что у сербского правительства имеются сведения «об интригах в Сараево» и оно рекомендует воздержаться от поездки наследника в Боснию. Эта информация была доведена до эрцгерцога, но он настоял на поездке². Таким образом, эрцгерцог знал об опасности, но не счел необходимым прислушаться к предупреждениям, возможно, принимая их за проявление слабости перед демонстрацией силы. Австрийская провокация удалась, но закончилась трагически, в том числе и для ее организатора. На 28 июня 1914 г. выпадал не только день сербского национального траура, но и годовщина свадьбы австрийского наследника, и поэтому он решил взять с собой жену.

Следует отметить, что по непонятным причинам охрана эрцгерцога была организована из рук вон плохо. В 1910 г., во время визита Франца-Иосифа в Сараево, на улицах, по которым проезжал императорский кортеж, был выставлен двойной кордон из солдат местного гарнизона, кроме того, сотням горожан, находившимся под подозрением у полиции, попросту запретили выходить из дома. В 1914 г. ничего подобного не было. В результате шестеро террористов из организации «Молодая Босния» получили возможность совершить покушение. Первым в машину эрцгерцога бросил бомбу Неделько Чабринович, но она попала в соседнюю машину – в результате был ранен адъютант эрцгерцога. Н. Чабринович попытался совершить самоубийство, но не успел раскусить ампулу с цианидом. Следующее покушение оказалось удачным: Франц-Фердинанд и его супруга графиня София Хотек были убиты в Сараево Гаврилой Принципом, который стрелял в эрцгерцога и губернатора генерала Оскара фон Потioreка, сидевшего в одной машине с наследником, но промахнулся и попал в графиню Хотек. Супруги умерли до приезда врачей³.

Вслед за этим по Сараево и другим боснийским городам прокатилась волна избиений сербов. Нападениям прежде всего подверглись школы и библиотеки, кроме того, было уничто-

жено около 200 магазинов и свыше 80 частных домов⁴. Чешская газета «Час» 1 июля 1914 г. сообщала: «Из официальных и частных сообщений известно, что в Сараево, Мостаре и других городах Боснии и Герцеговины прокатились погромы сербского населения. Около сотни сербских лавок и магазинов было разграблено фанатичным хорватско-мусульманским сбродом; здания сербских обществ и школ были разрушены; нападению подверглось и жилище сербского митрополита... Поступают сведения об антисербской резне, о раненых и убитых... Мы не понимаем, как могли возникнуть антисербские насилия. После покушения на улицах Сараево находились войска и должны были быть приняты необходимые меры безопасности. Многим хотелось бы, чтобы сербы были исключены из позитивного политического процесса, но если сербский народ, составляющий относительное большинство Боснии, будет загнан в лагерь врагов империи, пострадают интересы монархии»⁵.

Однако в Вене эти интересы понимали по-другому. Там почти сразу же решили использовать это убийство для экзекуции, в пользу которой высказались начальник Генерального штаба Ф. Конрад фон Гетцендорф и министр иностранных дел граф Леопольд фон Бертольд, но они нуждались в германских гарантиях. Пятеро участников покушения были схвачены, а шестой бежал в Сербию. На суде Г Принцип заявил: «Я сын крестьянина и знаю, что происходит в деревнях. Поэтому я решил отомстить и не жалею ни о чем»⁶. Положение кметов, то есть крестьян, арендовавших землю у помещиков-беков, постоянно ухудшалось. С 1880 по 1914 г. число семейств кметов выросло с 85 тыс. до 93 368, причем четыре пятых из них – православные. Арендаторы обрабатывали приблизительно треть всей годной к сельскохозяйственному обороту земли⁷. Г Принцип знал, о чем говорил: боснийская деревня задыхалась в нищете. Так как на смертную казнь по австрийским законам мог быть осужден только совершеннолетний, а всем покушавшимся было менее 20 лет, суд приговорил Г Принципа и Н. Чабриновича к 20 годам тюремного заключения, остальные участники получили от 13 до 20 лет⁸.

В первые дни после сараевского убийства симпатии европейского общественного мнения в основном были на стороне Австро-Венгрии, тем более что поначалу в действиях ее правительства не наблюдалось ничего, предвещавшего конфликт⁹. Не было поначалу и обвинений в сторону правительства Сербии. «Хотя это отвратительное покушение, – вспоминал Бернгард фон Бюлов, – и было организовано участниками крупного сербского тайного общества, но во всяком случае многое говорило за то, что сербское правительство не подстрекало к этому злодеянию и не хотело его. Сербия была изнурена двумя войнами. Военное столкновение со значительно более сильной австро-венгерской монархией даже самому отчаянному сербу представлялось рискованным делом, к тому же еще с непримиренными болгарами и с ненадежными румынами в тылу»¹⁰. Не удивительно, что официальный Белград сделал все, чтобы избежать обвинений Вены.

15 (28) июня 1914 г., в Видовдан, в столице Сербского королевства, как и ранее, начались поминальные церковные службы, а вслед за ними торжества и гуляния. Около пяти часов дня было получено известие об убийстве наследника империи Габсбургов. Немедленно распоряжением властей все торжества были приостановлены, закрыты театры и прочее. Король Петр, принц Александр, правительство, скупщина – все отправили в Вену телеграммы с выражением соболезнований¹¹. Сделано было все, чтобы не допустить провокаций. Но в Германии, от позиции которой во многом зависело будущее поведение Австро-Венгрии, сомнений не было. 2 июля саксонский военный агент в Берлине доносил в Дрезден: «У меня создалось впечатление, что Большой Генеральный штаб считал бы желательным возникновение войны сейчас»¹². В отличие от австрийской армии германская была готова к большой войне.

Впрочем, в Вене и не ожидали ее. По свидетельству графа Стефана фон Буриана, в Австро-Венгрии никто вообще не хотел войны, при этом, судя по всему, он имел в виду –

не ограниченной Балканами. «Провокации нашей маленькой сербской соседки, чувствовавшей поддержку своей могущественной покровительницы, – писал он, – были невыносимы»¹³. Австрийская миссия в Белграде за отсутствием повода постаралась найти его. Русское посольство было обвинено в том, что на его флагштоке в день похорон эрцгерцога не был приспущен флаг¹⁴. Поехавший к австрийскому посланнику Владимиру Гизлю фон Гизленгену русский дипломат Н. Г. Гартвиг скончался от удара, пытаясь убедить своего австрийского коллегу в непричастности сербского правительства к событиям в Сараево¹⁵. В Белграде немедленно поползли слухи о том, что Н. Г. Гартвиг был отравлен¹⁶. По свидетельству врача, немедленно вызванного Гизлем фон Гизленгеном (к доктору миссии вскоре присоединились и два сербских медика), русский посланник умер от разрыва сердца, а его австрийский коллега до последнего пытался оказать ему помощь¹⁷.

Сербский посланник в России Мирослав Спалайкович на встрече с С. Д. Сазоновым передал русскому министру просьбу сербского правительства, поддержанную Белградом, – разрешить похоронить Н. Г. Гартвига в сербской столице, «чтобы сербский народ всегда имел возможность чтить память русского дипломата, оказавшего сербам ряд неоцененных услуг». Просьба была удовлетворена, и его погребение состоялось в столице Сербии 1 (14) июля при огромном стечении народа и deputаций от различных городов, общественных организаций, дипломатического корпуса и правительства. В городе был объявлен траур, магазины не работали¹⁸. По пути процессии дома были украшены траурными флагами, стояли шпалерами войска, за гробом шли наследный принц Александр с братьями, высшие военные и гражданские чины. После отпевания в соборе премьер-министр Н. Пашич сказал: «Сербия сохранит навеки благодарную память о государственном муже, который был с нею душою в тяжелые для нее минуты, и завещает потомкам навеки свято чтить память великого русского патриота, славянина и друга сербского народа»¹⁹.

Мэр Белграда Нестерович, встав на колени перед могилой, сказал: «Пусть будет легка сербская земля твоему праху. Память о тебе никогда не изгладится из сердец сербского народа»²⁰. На следующий день состоялось торжественное заседание Городской думы сербской столицы, где было принято решение назвать именем Гартвига одну из улиц Белграда²¹. На надгробный памятник русскому дипломату сербское правительство выделило 100 тыс. франков, и еще столько же было собрано по подписке²².

Во время похорон, несмотря на слухи о роли, которую сыграл в смерти Н. Г. Гартвига В. Гизль фон Гизленген, соблюдался образцовый порядок, враждебных Австро-Венгрии демонстраций не было²³. Однако это не помешало представителю Австро-Венгрии столь активно распространять слухи о готовящемся покушении на собственную жизнь, что их пришлось опровергать в прессе²⁴. Впрочем, это уже не имело значения. Начальник австро-венгерского Генерального штаба барон Ф. Конрад фон Гетцендорф с самого начала стал активно настаивать на военной экзекуции против Сербии. Он всегда был сторонником военного решения сербской проблемы. Еще во время боснийского кризиса 1908–1909 гг. он считал военную акцию совершенно необходимой, иначе, по его словам, в течение десяти лет монархия могла сократиться до размера Швейцарии²⁵. Б. фон Бюлов вспоминал: «Расчет с Сербией, Италией, Россией неизбежен, как проповедовал зимой 1908–1909 гг. барон Конрад фон Гетцендорф. Чем дольше медлят, тем труднее делается положение»²⁶. Эту позицию военных разделяли дипломаты.

В любом случае, австрийская игра во многом зависела от позиции Берлина. А там весьма опасались распада Австро-Венгрии, за которым последовали бы распад созданной группировки центральных держав и потеря контроля над дорогой к ресурсам Османской империи. «Уверенность, что день кончины императора Франца-Иосифа будет роковым для всей монар-

хии, – признавался Т. фон Бетман-Гольвег, – была распространена не только среди наших врагов. В Германии также много было толков о предстоящих в таком случае событиях, и печать, в особенности из пангерманского лагеря, ничуть не заботясь о впечатлениях за границей, заранее предъявила широкие претензии на наследство... Если бы посчастливилось развалить Тройственный союз, то на пути пресловутого германского стремления на восток воздвигнуты были бы непреодолимые преграды»²⁷. 5 июля 1914 г. состоялась встреча Ф. Конрада фон Гетцендорфа с императором, где в принципе был решен вопрос о войне с Сербией, но многое (сроки и масштаб) зависело от ответа Германии и ее гарантий²⁸. Франц-Иосиф смотрел на будущее пессимистически и первоначально отнюдь не был настроен воинственно. Однако его удалось убедить в том, что экзекуция Сербии не вызовет общеевропейского конфликта.

Результатом стало обращение к Вильгельму II с просьбой о поддержке со словами, исключавшими мирный исход кризиса: «Старания моего правительства должны быть отныне направлены к изолированию и уменьшению Сербии... Сербия, составляющая центр панславистской политики, будет уничтожена как политический фактор на Балканах»²⁹. О мирном урегулировании в Вене больше никто не думал³⁰. Вильгельм II, прервавший свое участие в ежегодной Кильской регате и официальном приеме британской эскадры, 5 июля встретился с австрийским послом графом Ладиславом де Сегени, передавшим германскому монарху письмо Франца-Иосифа и меморандум, составленный еще до сараевского убийства. Последний содержал план новой балканской политики. Вена предлагала способствовать созданию союза Болгарии и Турции под покровительством Германии и Австро-Венгрии, причем в любом случае из состава этой конструкции требовалось исключить Белград. Определенные разногласия вызвала австрийская позиция в отношении Румынии, которую считали ненадежной. В Германии соглашались с этим, но считали необходимым не отталкивать Бухарест³¹.

Интересно отметить, что и письмо Франца-Иосифа, и меморандум предусматривали возможность военной акции против Сербии³². Этот факт, конечно, объяснял масштабность задуманных Францем-Фердинандом маневров. Германский монарх посоветовал Вене не мешкать с выступлением против сербов³³. Более того, он признался, что пожалеет, если Австро-Венгрия не использует столь благоприятную возможность, поскольку Россия не готова выступить, а для нейтрализации Румынии будет сделано все, «чтобы король Карл и его советники вели себя как должно»³⁴. Кайзер действительно считал, что Россия не готова к войне в финансовом и военном отношении и что Николай II не станет вступаться за «цареубийц». Кроме того, в Берлине надеялись, что Париж будет удерживать Петербург от выступления – во французской армии не хватало тяжелой артиллерии³⁵. Решительность Вильгельма объяснялась и его личным отношением к славянам вообще и к Сербии в частности. «Я ненавижу славян, – говорил он позже. – Я знаю, что это грешно. Никого не следует ненавидеть, но я ничего не могу поделать – я ненавижу их»³⁶.

После этой встречи, по свидетельству германского посла в Турции барона Ганса фон Вангенгейма, в тот же день в Потсдаме было собрано совещание, в котором участвовали министр иностранных дел, военный министр, начальник Генерального штаба, начальник Военного кабинета императора-короля, ряд послов, руководители железных дорог, финансисты и промышленники. Кайзер по очереди спрашивал каждого участника совещания о готовности к войне. Все ответили положительно, кроме финансистов, заявивших, что они нуждаются в двухнедельной отсрочке, для того чтобы продать ценные бумаги за границей и сделать займы. Было принято решение о секретной подготовке к войне, после чего кайзер отправился на яхте к берегам Норвегии, канцлер Т. фон Бетман-Гольвег ушел в отпуск, а остальные вернулись к своим обязанностям. С 5 по 22 июля немцы действительно активно переводили свои ценные бумаги за границей в наличность³⁷. Морской министр, участвовавший в этой встрече, в своих

воспоминаниях дает весьма двусмысленное описание ее итогов: «На этом совещании было решено избегать мероприятий, которые могли бы возбудить политические толки или вызвать особые расходы. Затем, по совету канцлера, кайзер отправился в ранее намеченную поездку по Северному морю»³⁸. «Теперь или никогда», – подвел итог случившемуся Вильгельм II³⁹.

6 июля, то есть на следующий день после обращения в Берлин, Вена получила заверения в поддержке Германии. Т. фон Бетман-Гольвег заявил: «Австрия должна решить, что ей предпринять, чтобы выяснить отношения с Сербией; но каково бы ни было решение Австрии, она может полностью рассчитывать на то, что Германия будет стоять на ее стороне в качестве союзника»⁴⁰. После этого поворот в сторону жестких и энергичных действий был во многом предопределен. Правда, австрийцы еще колебались, и амплитуда этих колебаний определялась борьбой между министром иностранных дел графом Л. фон Бертхольдом, опасавшимся осложнений, которые вызовет большая война, и Ф. Конрадом фон Гетцендорфом при том, что сам император отнюдь не был настроен воинственно. Противником войны с Сербией и предоставления ей заранее неприемлемого ультиматума был глава правительства Венгрии граф Иштван Тиса, однако и он изменил свое решение после ответа, полученного из Берлина. Условием своего согласия И. Тиса поставил неприсоединение какой-либо части сербской территории к монархии. Проводя политику мадьяризации славян и румын, он вовсе не желал увеличивать их количество в Австро-Венгрии.

Что касается министра иностранных дел, он с удовольствием дал такое обещание, рассчитывая, что после победы его легко будет нарушить. По австрийским планам Сербия должна была быть сокрушена и ее существованию в качестве крупной балканской державы положен конец. Ее южные территории предполагалось разделить между Болгарией и Албанией, а ядро Сербского государства превратить в австрийский протекторат. Л. фон Бертхольд надеялся, что при самом тяжелом исходе дела ему удастся добиться локализации австро-сербского конфликта. Это означало, что австрийская дипломатия должна была выиграть как минимум три недели для мобилизации своей армии, чтобы та могла молниеносно сокрушить Сербию и сосредоточиться на русской границе. В этом случае Россия, по мнению австрийцев, воздержалась бы от выступления. Таким несколько экстравагантным способом Л. фон Бертхольд готов был спасти всеобщий мир⁴¹.

Идеальные результаты своих действий министр изложил в докладе Францу-Иосифу от 14 июля: «Выработанное сегодня содержание ноты, отправляемой в Белград, таково, что следует рассчитывать на вероятный вооруженный конфликт. Но если Сербия уступит и примет наши условия, то это явится не только глубоким унижением для королевства и одновременно падением русского престижа на Балканах, но даст еще нам и известные гарантии, чтобы задушить великосербские козни на нашей территории»⁴². Судя по многочисленным донесениям послов Англии, Франции, России и Италии в Вене, накануне вручения ультиматума Сербии правящие круги Австро-Венгрии были уверены, что Россия не посмеет вмешаться в конфликт. В этом мнении их активно поддерживали немцы⁴³.

Оттокар фон Чернин, в это время посланник в Румынии, считал, что австрийский министр иностранных дел не сомневался – война с Сербией, безусловно, вызовет войну с Россией, но и это не останавливало его при условии безоговорочной поддержки со стороны Германии⁴⁴. Ведь она гарантировала быструю и легкую победу, а не длительную и тяжелую войну. О. фон Чернин оценивал расчеты своего МИДа следующим образом: «Для меня не подлежит сомнению, что Бертхольду даже во сне не снилась мировая война в тех размерах, в каких она разразилась, и что он прежде всего был убежден, что война против Франции и России окончится победой. Я думаю, душевное состояние, в котором граф Бертхольд предъявлял ультиматум Сербии, можно отчасти определить следующим образом: или Сербия примет ультиматум, а это означало бы крупный дипломатический успех, или она его отклонит, и тогда война –

победоносная, благодаря поддержке Германии, – поведет к возрождению новой, несравненно сильнейшей двуединой монархии»⁴⁵.

Во всяком случае, в Вене хватало тех, кто не боялся войны на Балканах. Позиция начальника Генерального штаба исключала возможность мирного решения. При условии начала собственной мобилизации он считал вторжение в Сербию неизбежным, даже если Белград решит уступить в последний момент. Оккупация, выплата военных издержек в случае сопротивления или его отсутствия – только эти меры по мнению Ф. Конрада фон Гетцендорфа могли восстановить влияние Дунайской монархии на Балканах⁴⁶. После вручения паспортов французскому послу в августе 1914 г. граф Александр фон Гойос, начальник канцелярии МИДа Австро-Венгрии, почти дословно повторил доводы начальника Генерального штаба в пользу войны. «Поверьте мне, – сказал он, – мы не могли поступить иначе. В Сербии, России, во всех славянских странах и некоторых других установилось убеждение, что Австро-Венгрия разлагается и что полный развал ее только вопрос трехчетырех лет. Лучше ускорить катастрофу, чем терпеть, чтобы нас считали обреченными. Нас поставили перед необходимостью доказать, что мы еще способны на мощное проявление энергии. Но знает Бог, что мы хотели бы избавить Европу и нас самих от кризиса, в котором мы теперь очутились». Раймонд Пуанкаре, прочитав отчет об этой встрече, записал: «Другими словами, монархия Габсбургов считала себя погибшей и поэтому ускорила события и сыграла ва-банк»⁴⁷.

С развитием кризиса опасения не покидали Франца-Иосифа, но и эти страхи исключали возможность мирного исхода в отношениях с Сербией. «Если монархия должна исчезнуть, то по крайней мере она должна исчезнуть с достоинством», – сказал император в конце июля 1914 г. начальнику Генерального штаба Ф. Конраду фон Гетцендорфу⁴⁸. Однако как только война вышла за границы австро-сербского конфликта, надежд на достоинство становилось все меньше, а гибель монархии – все ближе. Бернгард фон Бюлов вспоминал: «Император Франц-Иосиф не хотел войны, и он знал почему. Он вел в 1859 г. войну за Италию – Италия была потеряна. В 1866 г. он вел войну за Германию – гегемония в Германии была его династией утрачена. Темное предчувствие подсказывало ему, что если в течение его царствования ему в третий раз придется воевать – на этот раз из-за балканских вопросов против югославянских притязаний, – то эта война может стать последней войной для Габсбургов и для старой Австрии. Осенью 1914 г., сейчас же после объявления войны, император сказал своему другу госпоже Екатерине Шратт: «Я буду рад, если мы выйдем только с одним подбитым глазом»⁴⁹. К словам Бюлова необходимо добавить то, что в двух войнах, которые Габсбурги вели за пределами Германии, первично их противник – Пьемонт и Сербия – был гораздо слабее Австрии, но к нему присоединялась сила, в столкновении с которой рассчитывать на успех Вена не могла. Чувство обреченности не покидало Австро-Венгрию. Гораздо увереннее австрийцев были их союзники, которые не боялись выхода войны за пределы Балкан.

12 июля Г фон Ягов известил М. фон Лихновского о возможности австро-сербского конфликта и желании Берлина локализовать его на Балканах.

Послу поручалось приложить максимум усилий и повлиять на британскую прессу с тем, чтобы она заняла антисербские позиции и особо постаралась «избежать всего, что может произвести впечатление, что мы подталкиваем австрийцев к войне»⁵⁰. «Я уже попытался конфиденциально и осторожно вступить в контакт с общественным мнением в предложенной мне манере, – отвечал посол 14 июля, – но ввиду хорошо известной независимости местной прессы я не могу обещать особого успеха в результате такого рода влияния. Навесить на весь сербский народ ярлык нации мошенников и убийц, как пытается это сделать «Локаль анцайгер» – это довольно сложная задача. Еще более сложно будет поставить сербов на один уровень с арабами Египта или индейцами Мексики, как это делает один официальный персонаж в интервью с венским корреспондентом «Дейли телеграф». Скорее, следует предположить, что как

только Австрия приступит к насильственным мерам, симпатии народа здесь немедленно и решительно повернутся в сторону сербов, и убийство эрцгерцога, который по причине своих клерикальных настроений не был особо популярен в этой стране, будет рассмотрено как простой повод, который используется для удара по неудобному соседу»⁵¹. К предупреждениям предпочли не прислушиваться.

Вообще, в это время возможность вступления в войну Великобритании большинством германских политиков не предусматривалась. Правда, немецкий посол в Лондоне предупредил свое Министерство иностранных дел, что Англия ни при каких условиях не допустит нового разгрома Франции и полного уничтожения равновесия сил на континенте. Он сравнивал значение Франции для Англии со значением Австро-Венгрии для Германии, но к его точке зрения не особо прислушивались⁵². «Будьте немного более оптимистичны в оценке наших английских друзей, – писал ему 26 февраля 1914 г. Г. фон Ягов. – Я склонен думать, что Вы иногда слишком мрачно смотрите на вещи. Это относится также к Вашему мнению, что в случае войны Англия обязательно примет сторону Франции. В конце концов, мы не зря построили наш флот, и я убежден, что в случае войны Англия самым серьезным образом задумается о том, так ли уж легко и безопасно играть роль ангела-хранителя Франции против нас»⁵³.

Расчеты Берлина на нейтралитет Лондона в войне, казалось, не были лишены основания. Создавалось впечатление, что с весны 1913 г. позиции Великобритании и Германии неуклонно сближались. В феврале 1913 г. Берлин и Лондон начали обсуждение возможности приостановления гонки военно-морских вооружений, так называемых «каникул», которые должны были установить пропорцию между английским и германским флотами в соотношении 16:10 или 8:5. Даже А. фон Тирпиц счел это предложение приемлемым⁵⁴. Между тем английские государственные деятели не скрывали того значения, которое они придавали данной проблеме. «Германский флот, – передавал 30 апреля 1913 г. М. фон Лихновский слова, сказанные ему первым лордом Адмиралтейства Уинстоном Черчиллем, – является единственным препятствием на пути настоящего доверительного взаимопонимания между двумя странами, так как путем создания наших военно-морских сил к жизни вызвано нечто, подобное второй Эльзас-Лотарингии; вопрос, который разделил две нации почти так же, как две упомянутые им провинции препятствовали сближению между Германией и Францией»⁵⁵. Эти слова в целом соответствовали и взглядам германского посла, который пытался убедить свое правительство, что усиление «флота Высоких морей» попросту заставляет Лондон искать континентального союзника. Переговоры по военно-морской проблеме создавали основания для сближения в других вопросах.

Германия и Великобритания сумели установить довольно продуктивный диалог по вопросу о миссии о. Лимана фон Сандерса. Британскими политиками с удовлетворением была принята речь Т. фон Бетман-Гольвега в рейхстаге 9 декабря 1913 г., в которой он говорил об однородности основных идей германской и британской политики в отношении будущего развития Турции⁵⁶. Еще ранее, 20 октября 1913 г., в Лондоне М. фон Лихновским и Э. Греем был составлен проект конвенции о возможном разделе в будущем португальских колониальных владений в Восточной и Западной Африке, при этом в зону преимущественного германского влияния должна была попасть значительная часть Анголы. Португальская республика, образовавшаяся после революции 1910 г., была далека от стабильности, и сигналом к приведению англо-германского договора в действие должны были стать или волнения в колониях, или обращение Лиссабона за финансовой помощью. Ситуация усложнялась тем, что Португалия со времени Виндзорского договора 1386 г. (в очередной раз продленного в 1899 г.) была союзником Англии, а та, в свою очередь, гарантировала целостность ее владений. Несмотря на это, в начале лета 1914 г. Германия и Англия, казалось, вплотную подошли к подписанию данного соглашения⁵⁷.

В апреле 1914 г. король Георг V посетил Париж. Сопровождавший его Эдуард Грей отказался дать гарантии выступления своей страны в случае войны. «Если бы Франция подверглась действительно агрессивному нападению со стороны Германии, возможно, общественное мнение Англии оправдало бы действия правительства по оказанию помощи Франции. Но Германия едва ли замышляет агрессивное и угрожающее нападение на Россию; и даже если бы такое нападение последовало, публика в Англии склонилась бы к мнению, что хотя вначале Германия, быть может, и добилась бы некоторых успехов, ресурсы России настолько велики, что в конечном итоге силы Германии истощились бы даже в том случае, если бы мы не оказали помощи России»⁵⁸. Сразу же после возвращения в Лондон Э. Грей и Г. Асквит несколько раз повторили свои заявления, сделанные месяцем ранее, о том, что Англия не связана секретными договорами с правительствами каких-либо стран на случай европейской войны⁵⁹. Германский посол в Лондоне, докладывая об этом 18 мая 1914 г. в МИД, считал необходимым снова подчеркнуть невозможность повторения событий 1870–1871 гг.: «В том случае, когда отношения ясны, нет необходимости в формальных обязательствах или письменных договорах»⁶⁰. Впрочем, в Берлине не прислушивались к такого рода предупреждениям, определенные надежды там вызвала и традиция англо-русского противостояния.

Постоянные ссылки британских политиков на общественное мнение своей страны, в целом не симпатизировавшей сближению с Россией, не были беспочвенными. Оно стояло непреодолимым барьером на пути полноценного англо-русского союза до войны, которая вряд ли была возможной, если бы Берлин имел уверенность в том, какую позицию займет Лондон⁶¹. Что касается отношения к России, то наиболее искренно высказался по этому вопросу после Первой мировой войны Дэвид Ллойд-Джордж: «В английском народе русское самодержавие было почти так же непопулярно, как теперь большевизм. Мы отождествляли самодержавие в России с сибирскими тюрьмами для политических заключенных, с погромами беззащитных евреев, с расстрелами рабочих, единственным преступлением которых было представление петиции императору по поводу причиненной им несомненной несправедливости»⁶².

С другой стороны, в результате германо-английского сближения стала возможной и организация дружественного визита британской эскадры в Киль, к обсуждению планов которого приступили сразу же после возвращения Георга V из Франции. Впервые за 19 лет, прошедших после знаменитого набега Леандра Джемсона, Лондон принял приглашение кайзера Вильгельма посетить ежегодную регату в Киле, и в июне 1914 г. британская эскадра из четырех дредноутов нанесла визит вежливости германским морякам⁶³. Одновременно четыре английских линейных крейсера под командованием адмирала Дэвида Битти были гостями Кронштадта. На обратном пути в Финском заливе их провожал на яхте «Штандарт» сам император, только что вернувшийся из плавания по Черному морю⁶⁴. В британском Министерстве иностранных дел царила безмятежность⁶⁵. С очевидной целью не нарушать оную, М. фон Лихновский умолял свое правительство только об одном – воздержаться от театральных жестов при приеме английских моряков, поскольку подобные приемы могли вызвать в Лондоне раздражение. «Наши отношения с Англией, – писал немецкий посол, – хороши настолько, насколько это вообще возможно. Требовать большего было бы и глупо, и опасно... Здесь, как при дворе, так и в политических кругах, хотят как можно более длительного спокойствия и готовы сотрудничать с нами на этой основе»⁶⁶.

Возможность выступления России в случае австро-сербской войны в Германии оценивалась очень низко. Идеолог активной политики Готлиб фон Ягов считал, что чем более энергично Германия поддержит Австро-Венгрию, тем быстрее отступит Россия⁶⁷. 18 июля он писал, что время работает против Вены, и она не должна упускать шанс, потому что через пару лет, возможно, уже не будет в состоянии действовать столь энергично⁶⁸. Германский МИД, по

его словам, не пугала и перспектива большой войны: «Если локализация конфликта не сможет быть достигнута и Россия атакует Австрию, в силу вступает *casus foederis*, и в таком случае мы не можем пожертвовать Австрией»⁶⁹. Как показали дальнейшие события, немцы оказались способны развязать войну и без русского нападения на Австрию, которое привело бы в действие союзнические обязательства. Однако во второй половине июля в Германии все же были склонны думать, что Россия слишком слаба, чтобы позволить себе выступление. Это мнение разделялось в Берлине многими⁷⁰.

«Германские дипломаты, – вспоминал князь Г. Н. Трубецкой, – воображали себе, что Россия накануне революции и что малейшего внешнего осложнения достаточно, чтобы внутри империи вспыхнули крупные беспорядки. ... Как раз перед австрийским ультиматумом в Петербурге происходили стачки рабочих, отчасти поощрявшиеся бездеятельностью полиции. Эти беспорядки еще больше укрепили германского посла в мысли, что Россия воевать не будет. Справедливость требует признать, что сам Пурталес старался, насколько это от него зависело, действовать примирительно»⁷¹. Подобные рассуждения представителей Берлина, казалось, были небезосновательными. С 1912 г. в России опять начался резкий рост забастовочного движения. Многое свидетельствовало о близости нового политического кризиса. Не только у противников, но и у союзников России были серьезные сомнения относительно ее внутренней стабильности. Полковник Морис Жанен, работавший в 1910–1911 гг. в Николаевской академии Генерального штаба для обмена опытом с французской *Ecole Supérieure de Guerre* и имевший обширные знакомства среди русских военных, также считал, что в случае войны революция в России неизбежна. В 1913 г. он даже составил специальную записку об этом на имя генерала Н. Кастельно⁷².

Если в 1910 г. в стране прошло всего 226 забастовок (из них только восемь политических), в 1911 г. – 466 забастовок (из них 24 политические), в 1912 г. – 2032 забастовки (из них 1300 политических), в 1913 г. – 2404 забастовки (1034 политических), то за довоенные месяцы 1914 г. – уже 3534 забастовки (из них 2565 политических). Количество бастовавших рабочих выросло с 46 623 человек в 1912 г. до 1 337 458 человек в 1914 г.⁷³ Забастовочная активность нарастала в 1914 г. и в русской столице: только за первую половину года на Путиловском заводе – своеобразном индикаторе настроений Выборгской стороны – прошло около 60 стачек, то есть приблизительно по одной каждые три дня. При этом стачки путиловцев иногда сопровождались попытками насильственно воспрепятствовать работе соседних заводов⁷⁴.

Позиция Фридриха фон Пурталеса по отношению к грядущей реакции русского общества соответствовала и предвоенным замыслам немецких военных, ставивших еще в 1913 г. перед своей разведкой задачу возбуждения в случае войны беспорядков на севере Африки и в России⁷⁵. Кроме того, германское политическое руководство таким же образом надеялось осуществить обострение ирландского вопроса. Как известно, эти расчеты потерпели в 1914 г. крах. Но и в 1914, и в 1915, и в 1916 гг. германская военная разведка прилагала огромные усилия для вовлечения в войну Афганистана, Персии и мусульман Британской Индии и Французской Северной Африки. Германский посол в Турции Ганс фон Вангенгейм так долго уверял своего монарха в том, что все, исповедующие ислам, являются друзьями кайзера, что в Берлине начали в это верить. Кроме того, ни для кого не было секретом, что Германия щедро оказывала помощь оружием и деньгами ирландским революционерам «Шинн Фейн» в организации восстания в апреле 1916 г. в Дублине⁷⁶. Так что немецкая позиция в отношении России не была избирательной.

Перспектива войны с Францией и Россией не страшила Берлин. И русская, и французская армии еще не закончили свое вооружение. Что касается германского флота, то он превосходил французский и русский. Кроме того, начавшаяся в 1909 г. модернизация Кильского канала

была завершена 24 июня 1914 г. Теперь немцы могли перебрасывать свои дредноуты из Балтики в Северное море по внутренним коммуникациям⁷⁷. Германская армия была готова к осуществлению «плана Шлиффена» – плана действий, основанного на меморандуме начальника Большого Генерального штаба от 28 декабря 1905 г.⁷⁸ Этот документ стал результатом проведенной Альфредом фон Шлиффеном в ноябре – декабре того же года военной игре, основанной на том, что Германии придется вести войну с коалицией Англии, Франции и России.

«Хотя невероятно или, лучше сказать, даже невозможна в действительности эта обстановка, – подводил итоги игры генерал, – все же она представляет достаточный интерес, чтобы ее рассмотреть. В сущности, в ней мало нового. В течение почти 20 лет мы живем в ожидании войны на два фронта. Сорок лет уж как все более и более нас уверяют, что к двум театрам военных действий – Восточному и Западному может быть прибавлен теперь и Северный (имеется в виду возможность высадки английского десанта в Ютландии. – А. О.). Уже давно нельзя рассчитывать на то, чтобы Италия оказала нам существенную поддержку и удержала бы в пограничных Альпах значительную часть сил Франции. На другом фронте можно рассчитывать, как это принималось и раньше, что Австрия примет на себя часть вооруженных сил России. При этих условиях мы должны считаться со всеми вооруженными силами Франции, не рассчитывая на удержание части их Италией, со всеми европейскими силами Англии и значительной частью русских сил»⁷⁹.

Игра выявила абсолютную невозможность для Германии наступательных операций на двух стратегических направлениях одновременно: «Если нам действовать активно против обоих противников и наступать одной армией на Москву, а другой – на Париж, то даже в наиболее благоприятнейшем случае мы очень скоро очутимся в том положении, которое Клаузевиц называет стратегическим параличом»⁸⁰. Из двух направлений именно русское, по мнению А. фон Шлиффена, не предоставляло возможностей для быстрого и решающего успеха: «Нельзя вести войну так, как это было в Маньчжурии, то есть гнать медленно противника от одной позиции к другой, месяцами лежать друг против друга в бездействии, пока, наконец, оба измученных противника не решатся заключить мир. Надобно в возможно скорейший срок разделиться с одним из противников, чтобы иметь свободные руки для действий против другого»⁸¹.

Разработанный на основе этих положений план предусматривал возможность победоносной для Берлина войны на два фронта, при которой вначале будет разгромлена Франция, а потом вся сила Германии обрушится на Россию. Германская армия должна была использовать примерно 40 дней от начала мобилизации (которые, по расчетам А. фон Шлиффена, потребовались бы русской армии для завершения сосредоточения) для обхода через Бельгию (первоначально планировалось и нарушение нейтралитета Голландии – в 1905 г. план строился на использовании бельгийских и голландских железных дорог) линии пограничных французских крепостей (Верден – Туль – Эпиналь – Бельфор), протянувшихся на пространстве в 200 км вдоль франко-германской границы, и взятия Парижа⁸². Затем основные силы французской армии должны были попасть в гигантское окружение и быть отеснены к границе со Швейцарией. «Непременно надо попытаться, – писал германский генерал, – наступлением против левого фланга французов отеснить их в восточном направлении на их мозельские крепости, на Юру и Швейцарию. Французская армия должна быть уничтожена. Главное для развития всей операции – это образовать сильное правое крыло, с помощью его выигрывать сражения и безостановочным преследованием посредством именно этого сильного крыла все время принуждать противника к отходу»⁸³. А. фон Шлиффен был убежден, что кратковременная война является непрямым условием окончательной победы Германии, и предполагал возможность войны исключительно против Франции.

В конечном итоге документ, известный как «план Шлиффена», получил название «Война против Франции» и не рассматривал возможности действий против России. К мысли о том,

что Германия будет вести коалиционную войну против Франции, России и, вероятно, Англии, в Большом Генеральном штабе пришли после боснийского кризиса, и вскоре это стало убеждением⁸⁴. Обеспечением молниеносного успеха в кампании против Франции считались правильное распределение сил на направлении главного удара и огневая мощь, которая сделает возможными активные действия немцев на второстепенном направлении.

Даже после своего ухода в отставку А. фон Шлиффен постоянно обращал внимание на эти требования. В январе 1909 г. в журнале «Немецкое обозрение» была опубликована его статья «Современная война», где излагалась основная идея знаменитого плана начальника Большого Генерального штаба Германии. В статье, в частности, утверждалось: «Русско-японская война доказала, что открытое наступление на неприятельский фронт, несмотря на все трудности, может быть успешным. Но даже в лучшем случае результат такого наступления бывает ограниченным. Противник, конечно, будет отеснен назад, но через некоторое время он повторит в другом месте временно прерванное сопротивление. Кампания затянется. Между тем подобные войны невозможны в такое время, когда существование народа обусловлено непрерывающимся развитием промышленности и торговли и когда быстрым решением нужно снова пустить в ход остановленный колесный механизм (торгово-промышленной жизни). Недопустимо проводить стратегию изнурения, когда содержание миллионов требует миллиардных расходов. Чтобы добиться решительного и сокрушающего результата, необходимо вести наступление с двух или трех сторон, то есть с фронта и одного или обоих флангов. Такое наступление относительно легче производить тому, кто обладает численным превосходством. Но при современных условиях трудно рассчитывать на такое превосходство сил. Необходимые средства для сильного флангового удара могут быть получены лишь при условии, если силы, направляемые против неприятельского фронта, будут возможно более слабы. Но как бы слабы они ни были, они не должны ограничиваться тем, чтобы «развлекать» противника огнем, открываемым издали, из укрытого места расположения, и тем «сковывать» противника. Во всяком случае, фронт (противника) должен подвергаться атаке, то есть необходимо двигаться «вперед» также и против фронта. Для этого изобретено дальнобойное и скорострельное ружье, могущее заменить много прежних ружей и удовлетворить всем требованиям при наличии лишь соответствующего количества боевых припасов. Вместо того чтобы нагромождать резервы позади фронта, которые пребывают в бездействии и не попадают к решительному пункту, лучше позаботиться о доставке обильного количества боевых припасов. Патроны, подвозимые на грузовиках, представляют собой самые лучшие и надежные резервы. Все войска, которые прежде задерживались позади и которым должно было достаться решение, ныне должны быть сразу введены в дело для флангового наступления. Чем могущественнее силы, стянутые туда, тем решительнее совершится наступление»⁸⁵.

Именно в январе 1909 г., в момент развития боснийского кризиса, произошел интенсивный обмен взглядами на характер действий в будущей войне между австро-венгерским и германским Генеральными штабами. Мольтке-младший, полностью солидаризируясь с мнением А. фон Шлиффена о необходимости решительного наступления на направлении наибольшей опасности, поддержал идею основного удара австрийской армии по России. На письме Ф. Конрада фон Гетцендорфа от 1 января 1909 г. он сделал следующую помету относительно Сербии: «Второстепенного противника надо и расценивать как второстепенного»⁸⁶. 21 января Ф. Конрад фон Гетцендорф получил ответ на свое письмо. Берлин согласился распространить свои союзнические обязательства не только на защиту собственно Австро-Венгрии от нападения, но и на возможное вмешательство России в австросербские отношения⁸⁷. «В тот момент, когда Россия мобилизуется, – писал Г. фон Мольтке, – Германия также проведет мобилизацию и, бесспорно, мобилизует всю свою армию»⁸⁸.

В вопросе о ее использовании Г фон Мольтке не был чересчур откровенен и не посвящал коллегу в подробности, но основные идеи плана действий немцев были все же изложены: «Если дело дойдет до войны, то я придерживаюсь того мнения, что большие цели должны стоять впереди малых, и следовательно, разгром Франции и России должен предшествовать всем остальным мероприятиям. Если эта большая цель будет достигнута, тогда для Австро-Венгрии сам по себе благополучно разрешится и сербский вопрос»⁸⁹.

В том же 1909 г. на встрече с Мольтке-младшим Ф. Конрад фон Гетцендорф получил общую информацию о плане А. фон Шлиффена: Франция должна была быть разбита в течение шести недель, после чего основные силы немцев были бы переброшены на восток. Конрад полагал, что на 12-й день мобилизации его силы встретят 31 русскую дивизию, а на 30-й день – 52. 19 марта 1909 г. Мольтке, отвечая на запрос Конрада, дал согласие на то, что еще до победы во Франции немцы предпримут демонстрацию из Восточной Пруссии в направлении реки Нарев на 24-й или 25-й день мобилизации для отвлечения внимания от австро-венгерского наступления с юга между Вислой и Бугом. При этом он подчеркнул, что основной задачей 13 немецких дивизий в Восточной Пруссии останется оборона⁹⁰.

Выполнение обещания, данного Г фон Мольтке Ф. Конраду фон Гетцендорфу, было связано с огромными проблемами. Без существенной коррекции в распределении сил между французским и русским вариантами реализация планов наступления в направлении на реку Нарев находилась под вопросом, а точнее – была практически невозможной⁹¹. Мольтке остался верен основной стратегической идее своего предшественника: «Вся Германия должна броситься на *одного* противника, на того, кто является более могущественным и более опасным (выделено автором. – А. О.)». В мае 1914 г. при личной встрече Мольтке снова заверил своего австрийского коллегу, что германские войска разобьют Францию за шесть недель и сразу же после этого начнется их переброска на восток⁹².

В итоге от соблазна удара по основанию польского выступа, то есть Царства Польского, в начале войны германское командование отказалось: «Мешок был дан природой, и можно было ожидать, что из этого мешка русские своевременно не ускользнут. Таким образом, дело заключалось в том, готовы ли были русские принять решительное сражение между Ковно и Варшавой, а также между Ивангородом и Ровно и биться до конца. Конечно, австро-венгерское высшее командование пошло бы с радостью на общее большое наступление, но, несмотря на это, генерал Конрад фон Гетцендорф на нем не настаивал, так как он должен был понимать, что выгоднее, чтобы германцы сначала добивались решения против Франции. «Судьба Австро-Венгрии решится не на Буге, но на Сене», – таково было мнение графа Шлиффена»⁹³.

Ф. Конрад фон Гетцендорф сделал из сказанного в мае 1914 г. правильный вывод: «Следовательно, мы должны по крайней мере в течение шести недель подставлять свою спину России»⁹⁴. Тем не менее австрийцы предпочитали сначала расправиться с Сербией, а потом сосредоточить все свои силы на русском фронте. Главной своей задачей начальник Генерального штаба Австро-Венгрии видел разгром Сербии и надеялся осуществить его до того, как Россия окажется в состоянии вмешаться. По его расчетам, обстановка была тяжелой, но не безнадежной⁹⁵. План действий предполагал сбор 30 дивизий (A-Staffel) в Галиции, еще 10 дивизий (Minimal Gruppe Balkan) выставлялись против Сербии, а 12 дивизий (B-Staffel) предназначались для поддержки одной из двух группировок в зависимости от развития ситуации. Поскольку резерв формировался в Венгрии, он не мог быть достаточно быстро переброшен ни к русской, ни к сербской границе, но в июле 1914 г. его предполагали использовать на Балканах⁹⁶.

Июльский кризис и начало Первой мировой войны

3 (16) июля 1914 г. русский посол в Австро-Венгрии известил МИД о том, что в ближайшее время правительство Дунайской монархии намеревается выступить в Белграде с особыми требованиями, связав вопрос о сараевском убийстве с сербской агитацией в пределах империи. Австрийцы рассчитывали на невмешательство России и поддержку своих южнославянских подданных. Император Николай II отреагировал на это сообщение следующим образом: «По-моему, никаких требований одно государство предъявлять не должно другому, если, конечно, оно не решилось на войну»¹. Его оценка оказалась верной. По свидетельству генерала В. Н. Воейкова император Николай II считал активизацию политики Вены на Балканах прямым следствием провокационной позиции Вильгельма II: «Одним из оснований для такого мнения государя служили донесения, в которых явно указывалось на подготовку мобилизации германской промышленности; из коммерческих же кругов в течение первой половины года поступали сведения о весьма интенсивной работе по приобретению Германией сырья и требовании ею возможно скорой уплаты по кредитам за различные поставки в Россию»².

Германский статс-секретарь по иностранным делам Г фон Ягов, не без влияния своих ближайших сотрудников А. Циммермана и В. фон Штумма, предполагал, что изолированный конфликт на Балканах вполне возможен. Россия, по мнению германских дипломатов, не хотела войны, а без России, по немецким расчетам, английское выступление было невозможным. Однако это вовсе не означало, что угроза войны в будущем не пугала Вену и Берлин. Г фон Ягов опасался, что миролюбие России изменится с выполнением военных программ: «Тогда она сокрушит нас числом своих солдат; тогда она построит свой Балтийский флот и железные дороги»³. Очевидно, что это и стало основной причиной появления самых жестких обвинений по отношению к Сербии, которые, по словам Э. Грея, являлись «выводом, который не мог быть принят без доказательства»⁴. В Вене и Берлине вряд ли могли сомневаться: Петербург не хотел войны и не мог допустить разгрома Сербии. Русский МИД ясно дал понять это еще во время предшествующих кризисов на Балканах⁵. Россия стояла перед неразрешимой задачей, и все последующие события доказали это.

5 (18) июля австрийский посол в России граф Фридрих Сапари встретился с С. Д. Сазоновым и поручился ему «за миролюбие своего правительства». Тем не менее поступавшие в русский МИД сообщения вызывали опасения. С. Д. Сазонов оказался перед сложной дилеммой: демарш в Вене с советом воздержаться от военных действий против Сербии мог быть истолкован как угроза и только ухудшить обстановку. Тем не менее 9 (22) июля русскому послу в Австро-Венгрии была отправлена телеграмма: «Благоволите дружески, но настойчиво указать на опасные последствия выступления Австрии, если оно будет иметь неприемлемый для достоинства Сербии характер. Французскому и английскому послам в Вене поручается преподать советы умеренности»⁶. Дружеские советы не помогли.

9 (22) июля «Биржевые ведомости», ссылаясь на своего корреспондента в Вене, сообщали читателям, что в ближайшие дни следует ожидать вручение австро-венгерской ноты Сербии: «Австрийская нота будет вежливой по форме, но энергичной по существу... Австрийская нота будет носить ультимативный характер, причем Сербии будет дано 48 часов для ответа»⁷. В шесть часов вечера 23 июля австрийский посол в Белграде барон В. Гизль фон Гизленген предъявил сербскому правительству ультиматум неслыханной жесткости, принятие которого нарушило бы сербский суверенитет⁸. Этот документ получил безусловное одобрение со стороны германской дипломатии и общественного мнения. С юридической точки зрения, требования Вены выглядели явным нонсенсом: формально Австро-Венгрия решила наказать Сербию

за преступление австрийского подданного сербской национальности. Что касается покушений, то с 1912 г. и сербы, и хорваты, и босняки-мусульмане неоднократно покушались на жизни высокопоставленных австрийских чиновников и членов императорской фамилии, не исключая и самого Франца-Иосифа⁹.

Однако тогда Вена и Берлин не были еще готовы к большой войне, а потому не последовало такой единодушной реакции на покушениями. «Все утренние газеты [без различия оттенков] относятся очень сочувственно к решительному тону, принятому Австрией, – докладывал 11 (24) июля 1914 г. русский поверенный в делах в Берлине, – даже и те немногие, которые признают неприемлемость для Сербии поставленных ей условий. Особенно резок [полу]официозный «Локаль анцейгер», который говорит, что обращение Сербии в Петербург, Париж, Афины и Бухарест излишни, и заканчивает, что немецкий народ вздохнет свободно, узнав, что наконец станет ясным положение на Балканском полуострове»¹⁰. В тот же день на заседании венгерского парламента действия Министерства иностранных дел получили полную поддержку как со стороны главы правительства Венгрии графа Иштвана Тисы, так и со стороны главы оппозиции графа Дьюла Андраши¹¹.

Узнав условия ультиматума, С. Д. Сазонов сразу же отреагировал: «Это – европейская война»¹². Уже 11 (24) июля стали приходиться многочисленные свидетельства о концентрации австро-венгерских войск по рекам Саве и Дунаю, пограничный Землин был переполнен солдатами¹³. Министр немедленно позвонил императору с просьбой принять его для личного доклада, чего не было ни разу за предыдущие шесть лет пребывания его во главе внешнеполитического ведомства. С. Д. Сазонов не сомневался, что истинным вдохновителем этого документа являлся Берлин. Опасность была весьма серьезной, сама обстановка требовала принятия быстрых и решительных мер¹⁴. Время австрийского выступления, которое можно смело назвать австро-германским (германский министр иностранных дел заявил, что отказывается даже думать о том, чтобы умиротворяющим образом воздействовать на Вену)¹⁵, было выбрано не случайно.

Тревожных сообщений до ультиматума Белграду не было, практически везде события шли своим чередом. Николай II, проведя несколько недель в Крыму, отдыхал с семьей в финских шхерах. Яхта «Штандарт» пришла туда же из Черного моря, обогнув всю Европу и пройдя через Кильский канал за четыре недели до начала войны. В Петербурге готовились к официальному визиту Р. Пуанкаре¹⁶. 6 (19) июля императорская семья прибыла на «Штандарте» в Кронштадт, где перешла на борт яхты «Александрия». На следующий день на Малый Кронштадтский рейд прибыла французская эскадра. Начались праздничные мероприятия. 7 (20) июля они проходили в Кронштадте и Петергофе¹⁷, на следующий день переместились в Петербург¹⁸. 9 (22) июля Николай II и Р. Пуанкаре после высочайшего завтрака в Петергофе отправились в Красное Село, где совершили объезд военного лагеря¹⁹.

10 (23) июля 1914 г. в присутствии президента Франции прошли высочайший смотр, а затем и парад войск красносельского лагеря. Вслед за этим торжества были перенесены на борт броненосца «Франс» в Кронштадте²⁰. Приветствуя гостя, Николай II сказал: «Согласованная деятельность наших двух дипломатических ведомств и братство наших сухопутных и морских вооруженных сил облегчают задачу обоих правительств, призванных блюсти интересы союзных народов, вдохновляясь идеалом мира, который ставят себе две наши страны, в сознании своей силы»²¹. В четыре часа утра 11 (24) июля французская эскадра ушла из Кронштадта. Визит Р. Пуанкаре был завершен²². Поначалу император планировал после этого продолжить прерванный отдых на «Штандарте» в шхерах Финского залива²³. В. Гизль фон Гизленген специально задержал вручение ультиматума на два часа, так как получил информацию из Вены о

том, что отъезд Р. Пунакаре из Кронштадта был отложен на час. Австрийцы хотели исключить малейшую возможность быстрой реакции со стороны Франции и России²⁴.

Переход французской эскадры из Кронштадта в Брест занимал несколько дней (с учетом визита вежливости в Стокгольм), и в Вене и Берлине рассчитывали использовать их для оказания давления на Петербург в условиях, исключавших возможность эффективной координации русско-французских действий на высшем уровне²⁵. С целью выиграть время австрийская дипломатия известила о своих действиях в Белграде остальные державы с опозданием на 12 часов²⁶. Обращаясь к великим державам со своей версией произошедшего от 12 (25) июля, австрийский МИД призывал к солидарности: «Императорское и королевское правительство убеждено, что, предпринимая эти шаги, оно встретит сочувствие со стороны всех цивилизованных народов, которые не могут допустить, чтобы цареубийство превратилось в оружие, которым можно безнаказанно пользоваться в целях политической борьбы, и чтобы мир Европы постоянно нарушался исходящими из Белграда выступлениями»²⁷.

12 (25) июля русский поверенный в делах в Австро-Венгрии телеграфировал по поручению Петербурга графу Л. фон Бертольд, находящемуся на отдыхе, предложение продлить Сербии срок ответа. Вечером последовал отказ²⁸. Вена действовала жестко. Германскую и австро-венгерскую дипломатию явно вдохновила перспектива надвигающейся на Россию политической нестабильности. Забастовки на заводах Петербурга, которые совпали с визитом Р. Пуанкаре 20–23 июля 1914 г., действительно приобрели большой размах. Стачечная активность начала перекидываться в Москву и другие промышленные центры империи.

Средоточием беспорядков опять стал Путиловский завод. Утром 4 (17) июля здесь состоялся двенадцатитысячный митинг солидарности с забастовщиками Баку. Митинг был разогнан конной полицией, свыше 100 человек арестовали. Вечером завод забастовал. В тот же день забастовка охватила Выборгскую сторону, а затем и другие предприятия города. Количество бастовавших, в начале месяца ограничившееся 2,5 тыс. человек, быстро выросло до 90 тыс. 7 (20) июля забастовки солидарности начались в Москве: на 33 металлообрабатывающих заводах в этот день бастовали 11 940 человек, в 20 типографиях – 3977 человек. Среди демонстрантов появились лозунги протеста против «расстрела путиловцев». На следующий день в Москве количество бастующих увеличилось на 7 тыс., к стачке присоединились трамвайные служащие, в результате чего оказалось парализовано движение общественного транспорта. Из 800 трамваев города 450 остались стоять на путях. Одновременно и в столице остановилось движение трамваев и конок. Демонстрации рабочих попытались прорваться в центр города, на Невский проспект. В ряде случаев полиция была вынуждена применять оружие. 22–24 июля количество забастовщиков в Петербурге увеличилось до 200 тыс. человек.

Градоначальник был вынужден обратиться за помощью к военным и просить о присылке казачьего полка для помощи полиции²⁹. Правительство, опасавшееся, что беспорядки перекинута даже в центр столицы, вынуждено было вызвать в город несколько полков гвардейской кавалерии³⁰. Сразу же после завершения парада в Красном Селе в честь Р. Пуанкаре последовало распоряжение о переводе 1-й гвардейской кавалерийской дивизии в Санкт-Петербург и пригороды «для несения наряда в помощь полиции». О том, насколько серьезным было положение, может свидетельствовать тот факт, что гвардейцы перед выходом из Красного Села получили боевые патроны³¹. В город были переведены 16 эскадронов и стрелки с пулеметами. Коннице приказали выступать немедленно, не расседывая лошадей. При входе в город колонна кавалергардов была освистана рабочими, а на ее обоз даже совершено нападение толпы, впрочем, легко отраженное подоспевшим на выручку эскадроном. Войска заняли позиции на перекрестках улиц в рабочих районах. С их приходом беспорядки на Выборгской

стороне быстро пошли на убыль, и уже 11 (24) июля кавалергардский полк выступил обратно в лагерь.

Выяснилось, что скачки на красносельском скаковом кругу не были отменены³² и прошли в тот же день в присутствии императорской фамилии и высшего генералитета³³. Кроме кавалергардов в лагерь для участия в параде была возвращена и часть 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. «Следовательно, – вспоминал один из его участников, – отпадало опасение, что даже в день военной манифестации наших союзных чувств мы вынуждены будем сознаться перед главой союзной Франции в нашем неблагополучии внутри государства. Слава Богу, у рабочих хватило тогда патриотического чувства, чтобы распознать антигосударственную агитацию и удержаться»³⁴.

Это было слабым утешением, обстановка в Петербурге оставалась нестабильной. Кроме того, забастовки перекинулись и в Москву. В результате 11 (24) июля Совет министров предложил императору перевести Санкт-Петербургское и Московское градоначальства, а также Московскую и Петербургскую губернии с режима положения об усиленной охране в положение о чрезвычайной охране с предоставлением соответствующих прав градоначальникам и губернаторам³⁵. В тот же день указ был подписан. Чрезвычайная охрана вводилась вплоть до 4 (17) сентября 1914 г.³⁶ После парада в Царском Селе в Петербург вслед за кавалерией была переброшена и пехота. «Не весело было на душе у офицеров и солдат во время этого перехода, – вспоминал офицер-преображенец. – Несение полицейской службы и охраны на заводах не имели в себе ничего привлекательного. При прохождении Путиловского завода рабочие в большом количестве высыпали на улицу смотреть на прохождение полка. Хмурые лица их и недоброжелательные взгляды, которые они бросали на солдат, напоминали картины еще не позабытого 1905 года»³⁷. Казалось, предвоенные ожидания германских дипломатов оправдываются, и России вновь угрожает революция.

Узнав об австрийском ультиматуме, Николай II принял доклад С. Д. Сазонова и поручил ему обратиться к И. Л. Горемыкину для немедленного созыва заседания Совета министров, который должен был обсудить положение на Балканах. «Государь сам был совершенно спокоен, – отмечал присутствовавший при этом П. Л. Барк, – и сказал мне, что Сазонов, вероятно, несколько нервничает; за последние годы возникали нередко острые конфликты из-за спорных интересов на Балканах, но великие державы находили способы стовориться между собою, и никому нет охоты из-за Балкан разжигать общеевропейский пожар, который был бы для всех гибельным и потушить который было бы не так легко. Государь выразил свое сомнение в том, что нота (то есть австрийский ультиматум. – А. О.) была послана после предварительного соглашения между Австро-Венгрией и Германией – император Вильгельм неоднократно заверял его в своем искреннем желании поддержать мир в Европе, и с ним всегда удавалось стовориться во время самых серьезных конфликтов»³⁸.

Заседание Совета министров было проведено днем 11 (24) июля на даче И. Л. Горемыкина на Елагином острове. Оно открылось докладом С. Д. Сазонова. Министр дал однозначную оценку ультиматума: австрийская нота направлена по соглашению с Германией, центральные державы надеются спровоцировать отказ Сербии, который впоследствии будет истолкован ими как предлог для вторжения Австро-Венгрии³⁹. Россия не может стоять в стороне от конфликта. Многочисленные уступки, на которые шла ранее русская дипломатия, принимаются в Берлине за признак слабости и только провоцируют агрессивность Германии. «Оставить сербов в настоящее время без всякого заступничества, – говорил он, – значило бы полное крушение престижа России на Балканах, к тому же не устранило бы опасность того, что Германия в самом недалеком будущем бросит России новый вызов, где будут затронуты еще больше наци-

ональные русские интересы, и тогда Россия, несмотря на миролюбие, все же будет вовлечена в войну, но уже после испытанного ею унижения»⁴⁰.

Свидетель совещания вспоминал: «Наиболее горячо был настроен министр иностранных дел С. Д. Сазонов, который говорил, что речь идет о великодержавии России и ее исторических традициях, не допускающих, чтобы мы оставались безучастными к новому натиску Австрии на Сербию, и требующих, чтобы мы с твердостью защитили славянскую державу от унижительных притязаний»⁴¹. С. Д. Сазонов подчеркнул рискованность положения, в котором находилась империя, ввиду того, что совершенно неясной оставалась позиция Великобритании, а также отметил, что решение правительства зависит от того, насколько войска подготовлены с точки зрения военного и морского министров, и что в любом случае МИД сделает «все возможное для мирного разрешения сербского вопроса»⁴². Позиция министра была поддержана главным-управляющим землеустройством и земледелием А. В. Кривошеиным, отметившим, что хотя война и является риском для России, она может начаться без всякого с ее стороны желания.

Генерал В. А. Сухомлинов и адмирал И. К. Григорович подчеркнули, что процесс подготовки армии и флота еще не завершен, но также рекомендовали придерживаться твердой позиции. П. Л. Барк признал, что в подобный момент министр финансов не может руководствоваться исключительно интересами своего ведомства, и, так как уступчивость не дает гарантии сохранения мира, присоединился к мнению большинства. Итог обсуждения был подведен И. Л. Горемыкиным, который кратко сформулировал лозунг правительства следующим образом: «Мы не хотим войны, но и не боимся ее»⁴³. Представляется, что С. Д. Сазонов, стремясь избежать войны, не хотел повторения ситуации боснийского кризиса: предлагая переговоры (в любом формате – четырех держав, русско-австрийские и прочие) и всевозможные уступки, он не хотел допустить решения вопроса военным путем⁴⁴. Для того чтобы остановить действия Вены, то есть политики с позиции силы, возможен был только один путь – вооруженных переговоров.

В результате Россия, к которой обратился за поддержкой король Петр Карагеоргиевич, рекомендовала сторонам конфликта пойти на взаимные уступки. Заседание Совета министров приняло следующие решения: 1) вместе с другими странами просить Австро-Венгрию продлить срок действия ультиматума; 2) рекомендовать Сербии в случае начала военных действий оттянуть свои войска в глубь страны и обратиться к державам с просьбой рассудить спор; 3) принципиально был решен вопрос о мобилизации четырех военных округов (Одесского, Киевского, Московского и Казанского) и двух флотов (Балтийского и Черноморского), но при этом следовало обратить внимание на то, чтобы эти действия не были истолкованы как направленные в сторону Германии⁴⁵, причем первоначально речь шла только Черноморском флоте, но император собственноручно вписал и Балтийский; 4) военный министр должен был незамедлительно ускорить пополнение запасов военного времени; 5) министру финансов предложили «безотлагательно принять меры к уменьшению сумм, находящихся в Германии и Австро-Венгрии»⁴⁶, и после завершения заседания правительства он немедленно принял решение начать изъятие казенной наличности из германских банков. Благодаря этому к началу войны из Германии было выведено около 100 млн рублей⁴⁷.

Вечером 11 (24) июля С. Д. Сазонова посетил Ф. фон Пурталес. Переданная им записка гласила, что Германия не имела никакого отношения к тексту ультиматума, но, «конечно, полностью поддерживает вполне законные, по ее мнению, требования, предъявленные венским кабинетом Сербии»⁴⁸. В ходе встречи русский министр иностранных дел решительно отменил призывы германского посла к «монархическому принципу» и отказался от принципа локализации австро-сербского конфликта. С. Д. Сазонов недвусмысленно оценил представленный Белграду ультиматум как заведомо неприемлемый⁴⁹. «Видевшие графа Пурталеса по выходе его

от министра свидетельствуют, – гласит поденная запись русского МИДа, – что он был весьма взволнован и не скрывал, что слова С. Д. Сазонова и особенно его твердая решимость дать австрийским требованиям отпор произвели на посла сильное впечатление»⁵⁰.

23 июля Э. Грей встретился с принцем М. фон Лихновским и высказал свое удивление чрезвычайно жесткими условиями ультиматума, которые покушались на суверенитет Сербии, тем не менее министр иностранных дел Великобритании оставался спокойным и после того, как германский посол потребовал безоговорочного выполнения всех требований Вены⁵¹. Э. Грей заявил М. фон Лихновскому, что «Австрия не должна спешно приступать к военным действиям». Встречи с австрийским послом не было, впрочем, она и не требовалась, поскольку все решал Берлин. О решительности и настроениях Вильгельма II можно судить по его собственноручным пометкам, оставленным на донесении М. фон Лихновского о разговоре с Э. Греем. Любые попытки смягчить ситуацию вызывали у германского монарха явное раздражение, а напротив упоминания о национальном достоинстве Сербии кайзер соизволил написать: «Такого понятия не существует!»⁵².

Позиция Форин-Офиса была изложена следующим образом: «Сербия, несомненно, должна выразить Австрии свое сочувствие и свои сожаления в том, что в числе причастных к убийству эрцгерцога лиц были люди, занимавшие официальные должности, хотя бы и низшие, и, конечно, должна обещать дать удовлетворение в том случае, если это обвинение будет доказано. Во всем остальном ответ должен соответствовать интересам Сербии. Сэр Э. Грей, – сообщал русский посол в Лондоне, – не знает, можно ли по истечении срока избежать военных действий со стороны Австрии чем-либо, кроме безусловного принятия ее требований. Ему кажется, что только не отвергая прямо всех этих требований, а приняв до истечения срока возможно большее число их, удастся, может быть, этого достигнуть»⁵³.

24 июля Э. Грей снова встретился с М. фон Лихновским и попытался повлиять примиряющим образом на позицию Берлина. Он говорил об опасности европейской войны в случае вторжения Австрии на территорию Сербии, предлагал продлить действие ультиматума, в частности для того, чтобы четыре державы – Франция, Германия, Англия и Италия смогли выступить посредниками между Россией и Австро-Венгрией, но все эти идеи снова вызвали у Вильгельма II только жесткое раздражение. На предупреждение своего посла, предсказывавшего, что Австро-Венгрия в результате войны даже с одной Сербией «истечет кровью до смерти», кайзер энергично отреагировал лишь одним словом: «Нонсенс»⁵⁴.

12 (25) июля заседание Совета министров Российской империи было созвано в Красном Селе под председательством императора⁵⁵. После краткого обсуждения правительством было принято решение придерживаться принятой накануне линии поведения, включая и частичную мобилизацию⁵⁶. Кроме того, на следующий день по всей территории империи вводилось «Положение о подготовительном к войне периоде»⁵⁷. Это была серьезная мера, предполагавшая подготовку железных дорог к воинским перевозкам, пополнение материальной части до норм военного времени, начало работ по подготовке мобилизации в частях войск, принятие мер по охране пограничной полосы, возвращение войск из лагерей и командировок в места постоянной дислокации, выдвижение кавалерии и пехотных частей, расположенных в пограничных районах, под видом маневров в намеченные для прикрытия мобилизации и сосредоточения районы. Кроме того, были предприняты и другие действия: выставлялась охрана на железных дорогах, организовывались команды для взрыва намеченных участков железных дорог на границе, проводились учебные сборы, пристрелка оружия, шли минирование подходов к морским крепостям, подготовка сухопутных укреплений к военным действиям⁵⁸.

Экстраординарные меры были уже безальтернативными. В войсках ощущался большой некомплект младших офицеров по мирному штату – около 3 тыс. человек. В результате было

принято решение немедленно провести выпуск старших классов военных училищ⁵⁹. В эти дни русская армия еще продолжала жить своей обычной жизнью. Гвардейский корпус, стоявший в лагерях в Красном Селе, занимался рутинной подготовкой к маневрам под Нарвой. 12 (25) июля 1914 г. в лагерь прибыл Николай II⁶⁰, по окончании правительственного совещания он лично поздравил пажей и юнкеров с производством в офицеры и вернулся в столицу⁶¹. Та же картина повторилась и в Петербурге. Выпускники училищ были вызваны ко дворцу. «В училищах ничего не ожидали, – вспоминал один из них, – производство должно быть еще через месяц. Юнкера разных училищ толпами, в разнообразной форме, спешили к дворцу. Государь вышел к ним, сказал им несколько слов о нападении австрийцев на братьев-славян и поздравил их офицерами»⁶².

В тот же день, 25 июля, австрийские дипломаты в Париже и Лондоне попытались уточнить позицию своего правительства. Они подчеркивали разницу между «ультиматумом» и «выступлением» с указанием срока, и «если требования Австрии не будут выполнены в срок, то австро-венгерское правительство прервет с Сербией дипломатические сношения и приступит к военным приготовлениям, но не к операциям». Николай II оценил это просто и верно: «Игра слов»⁶³. Австрийское посольство в Лондоне, впрочем, также не скрывало этого, давая понять, что ультиматум Сербии направлялся с целью вызвать отказ ее правительства принять его⁶⁴. В полдень 25 июля в австрийском посольстве узнали о том, что возможен положительный ответ сербского правительства. Этот слух был передан В. Гизлю фон Гизленгену журналистом Wiener Telegraphen-Korrespondenz-Bureau. Посланник был вне себя от ярости: «Ведь это невозможно. Это исключено. Исключено... Я просто не могу этому верить. Это было бы неслыханно»⁶⁵.

Слова дипломатических представителей Вены в Великобритании вскоре получили подтверждение на Балканах. 25 июля в 17 часов 55 минут В. Гизль фон Гизленген получил сербский ответ, признававший все пункты австрийского ультиматума, за исключением участия австрийских властей в следствии по сараевскому делу на территории Сербии. Белград пошел на максимальные уступки, но отказался капитулировать. Получив этот текст 14 (27) июля, министр иностранных дел России немедленно отправил телеграмму послам в Париже, Лондоне, Берлине, Вене, Риме и Константинополе: «Только что ознакомились с ответом, врученным Пашичем барону Гизлю. Ответ превышает все наши ожидания своей умеренностью и готовностью дать самое полное удовлетворение Австрии. Мы недоумеваем, в чем может заключаться еще требование Австрии, если только она не ищет предлога для экспедиции против Сербии»⁶⁶.

12 (25) июля С. Д. Сазонов обратился за поддержкой в Лондон. «При нынешнем обороте дел, – сообщал он русскому послу в Великобритании, – первостепенное значение приобретает то положение, которое займет Англия. Пока есть еще возможность предотвратить европейскую войну, Англии легче, нежели другим державам, оказать умеряющее влияние на Австрию, так как в Вене ее считают наиболее беспристрастной и потому к ее голосу более склонны прислушиваться. К сожалению, по имеющимся у нас сведениям, Австрия накануне своего выступления в Белграде считала себя вправе надеяться, что ее требования не встретят со стороны Англии возражений, и этим расчетом до известной степени было обусловлено ее решение. Поэтому весьма желательно, чтобы Англия ясно и твердо дала понять, что она осуждает неоправдываемый обстоятельствами и крайне опасный для европейского мира образ действий Австрии, тем более что последняя легко могла добиться мирными способами удовлетворения тех ее требований, которые юридически обоснованы и совместимы с достоинством Сербии»⁶⁷.

Надежды С. Д. Сазонова на ясно выраженную позицию Лондона по отношению к угрозе европейского мира в июле 1914 г. не оправдались. Э. Грей продолжал рассуждать о желательности посредничества четырех держав между Австро-Венгрией и Россией в случае отказа Вены от военных действий против Сербии⁶⁸. Эти рассуждения по-прежнему вызывали едкие замечания кайзера, обвинявшего Англию и ее министра иностранных дел во всех смертных грехах, но еще почему-то надеявшегося на нейтралитет Лондона⁶⁹. Последней надеждой для сохранения мира был ответ Белграда на ультиматум Вены, или точнее – реакция Вены на этот ответ. Уже после войны Э. Грей оценил ситуацию следующим образом: «Австрийский ультиматум в своей внезапной жестокости зашел дальше, чем мы опасались. Сербский ответ в готовности подчиниться пошел дальше, чем мы могли мечтать»⁷⁰. Австрийцы желали другого. В. Гизль фон Гизленген сначала открыто провоцировал антиавстрийские настроения в Белграде, а потом сообщал об их росте, опасности, угрожающей его дому, необходимости выслать своего сына в Землин и прочем. Никто не сомневался в том, что это делалось лишь с одной целью – возбудить антисербские настроения в Австро-Венгрии⁷¹.

«Во всяком случае, невозможно отрицать, – признавался А. фон Тирпиц, – что сербский ответ означал неожиданную уступку, и я не считаю, что австрийское правительство правильно оценило положение, признав этот ответ неприемлемым в качестве базы для дальнейших переговоров. Бетман-Гольвег и Бертольд не поняли, насколько существенен был уже достигнутый успех. Поскольку честь Австрии была спасена, а сам Бетман-Гольвег стремился во что бы то ни стало предотвратить европейскую войну, опасность такой войны, вероятно, можно было устранить, если бы Австрия удовлетворилась этим успехом. Можно было назначить Сербии короткий срок для проведения в жизнь сделанных ею уступок в качестве условия для переговоров об остальных требованиях»⁷².

Вероятно, гросс-адмирал был прав, и войны можно было бы избежать, если бы этого действительно хотели в Вене и Берлине. Как известно, для мира нужно согласие как минимум двух сторон, а для начала войны достаточно желания одной. Отказ Белграда капитулировать был настоящим подарком для «партии войны». Австрия не колебалась в своем желании наказать Сербию⁷³, это было совершенно очевидно. Вечером 12 (25) июля «Биржевые ведомости» сообщили о концентрации значительных сил австро-венгерской армии на границах с Сербией и Черногорией и о явной готовности Вены в случае отклонения ультиматума разорвать отношения с Белградом при явной и энергичной поддержке Берлина⁷⁴. Подтверждения этих новостей не пришлось долго ждать.

Вена нуждалась в поводе, и она его получила, игра слов в Париже и Лондоне ей была больше не нужна. 25 июля В. Гизль фон Гизленген и сотрудники посольства покинули Белград, и в тот же день началась мобилизация австрийской армии против Сербии⁷⁵. В 18 часов 30 минут на вокзале сербской столицы стояли два поезда: австрийского посольства, которому нужно было 10 минут, для того чтобы пересечь Дунай и попасть в Землин, и сербского правительства, эвакуировавшегося во временную столицу Ниш. В четыре часа вечера того же дня в Сербии была объявлена мобилизация. Население было настроено воинственно. Сербские офицеры провожали поезд австрийского посла криками: «Au revoir a Budapest»⁷⁶. Приблизительно в восемь часов вечера в австрийских газетах было опубликовано сообщение о разрыве дипломатических отношений с Сербией, в Вене, Будапеште и других городах Австро-Венгрии начались патриотические манифестации⁷⁷.

26 июля австрийский пограничный наряд обстрелял баржу с сербскими резервистами на пограничной реке Саве⁷⁸. Пограничникам показалось, что баржа шла слишком близко к их берегу. На этот раз обошлось без жертв, но 27 июля граф Л. фон Бертольд заявил об обстреле австро-венгерской территории и о том, что Сербия начала враждебные против его

страны действия⁷⁹. С 13 (26) июля заседания Совета министров России стали ежедневными: узнав о том, что на Дунае прозвучали первые выстрелы, правительство приняло решение не признавать право Вены трактовать случившееся в качестве повода к войне и рекомендовать продолжение переговоров для улаживания конфликта⁸⁰.

До этого момента о войне в России еще почти никто не думал, но уже 13 (26) июля собственный корреспондент «Голоса Москвы» сообщал из Петербурга: «В Министерстве иностранных дел не замечается уже того оптимистического настроения, которое проскальзывало вчера здесь. Сознают, что мы накануне крупных событий»⁸¹. В правительстве и среди общест-венности столицы австро-сербский дипломатический конфликт поначалу не вызвал тревоги: «Балканская неразбериха давно приелась, и происходившие события и споры воспринимались как очередная шумиха венской дипломатии. Вера в мир и во всеобщее к нему стремление была непоколебимой»⁸². В русской провинции сараевское убийство также было почти незамечено: шли сельскохозяйственные работы, в северо-западных губерниях (Тверской, Новгородской, Санкт-Петербургской, Архангельской) горели торфяники, огнем было охвачено около 63 тыс. десятин леса, убытки превысили 100 тыс. рублей⁸³. Эти пожары и покушение на Г Распутина⁸⁴ привлекали больше внимания, чем тлеющие уже несколько лет Балканы⁸⁵.

Тем неожиданнее для всей страны стало объявление в округах европейской ее части (за исключением Кавказа) «подготовительного к войне периода». Оно последовало 13 (26) июля 1914 г., через два дня после того, как в Австро-Венгрии начался призыв запасных⁸⁶. До этого жизнь в гарнизонах шла по обычному размеренному распорядку. Еще днем 13 (26) июля в находившейся на границе с Восточной Пруссией крепости Осовец устраивали просмотр кинематографа для солдат и офицеров, а в семь часов вечера ее комендант получил приказ о переводе на военное положение, и уже к полночи батареи были готовы к бою⁸⁷. В пограничных округах, например в Царстве Польском, были предприняты меры по эвакуации семейств офицеров в глубь русской территории⁸⁸. После этого неизбежность войны стала более или менее очевидной, во всяком случае для столичного гарнизона.

«В полк прибыли вновь произведенные 12 июля офицеры, – вспоминал офицер лейб-гвардии 3-го стрелкового полка, стоявшего в Петербурге. – Мобилизационное расписание было проверено. Цейхгаузы были пересмотрены. Политические события и международные сношения, логически развиваясь, вели к войне. Мы, офицеры, из чувства национальной гордости желали этой войны и следили с волнением за ее приближением. Воспитанные в сознании силы России, зная, какими людьми мы командуем, мы верили в победу»⁸⁹. Забастовки резко пошли на убыль. В Москве к 12 (25) июля они практически закончились. В этот же день на спад пошла забастовка в Петербурге, зато появились первые демонстрации солидарности с Сербией⁹⁰.

28 июля Австрия объявила войну Сербии: «Так как королевское сербское правительство не ответило удовлетворительным образом на ноту, переданную ему австро-венгерским посланником в Белграде 10 (23) июля 1914 г., императорское и королевское правительство вынуждено само выступить на защиту своих прав и интересов и обратиться с этой целью к силе оружия. Австро-Венгрия считает себя с настоящего момента на положении войны с Сербией»⁹¹. Поскольку прямая связь между Веной и Белградом была прервана, сербское правительство известили об этом решении по телеграфу через Бухарест. Почти сразу же после этого Л. фон Бертольд признал, что информация о нападениях сербских войск на пограничные австрийские территории не подтвердилась, но это уже не имело значения⁹².

В тот же день Франц-Иосиф подписал манифест к своим подданным, в котором извещал их о начале войны против Сербии. Он заканчивался следующими словами: «В этот серьезный час я отдаю себе полный отчет во всем значении моего решения и моей ответственности перед

Всемогущим; мною все взвешено и обдумано и со спокойной совестью я вступаю на путь, который мне указывает мой долг. Я уповаю на свои народы, которые в течение всех бурь всегда согласно и верно толпились вокруг моего престола и которые за честь, величие и мощь своего отечества готовы принести самые тяжелые жертвы. Я уповаю на храбрую и преисполненную самоотверженного воодушевления военную мощь Австро-Венгрии и уповаю также на Всемогущего, что Он даст моему оружию победу»⁹³.

28 июля на Дунае австрийская флотилия начала перехват сербских судов, в этот день удалось захватить два парохода с военными припасами⁹⁴. В ночь с 28 на 29 июля, через несколько часов после объявления войны, австрийские мониторы обстреляли оборонительные позиции сербов под Белградом⁹⁵. Приняв этот обстрел за подготовку захвата столицы, сербское командование отдало приказ о взрыве мостов через Саву⁹⁶. Взорванные в 1 час 30 минут 29 июля мосты, по мнению Вены, были явным свидетельством недоброжелательной позиции Сербии. В 11 часов вчера того же дня началась интенсивная бомбардировка ее столицы мониторами и береговыми батареями Землина, которая продолжалась до шести часов утра 30 июля⁹⁷. Одними из первых выстрелов австрийцы добились попадания в важный стратегический объект – подожгли здание университета⁹⁸.

Новости о начале войны пришли в Россию поздним вечером 15 (28) июля. К этому времени забастовочное движение в Петербурге сошло на нет. В городе из крупных предприятий бастовал только Путиловский завод (около 15 тыс. человек), а общее количество забастовщиков не превышало 30 тыс. Властями был арестован и приговорен к заключению от одного до трех месяцев 371 рабочий, но решающую роль сыграли не репрессии. Вечером 28 июля у бастовавших недавно заводов возникли первые демонстрации солидарности с Сербией⁹⁹. Улицы Петербурга быстро заполнили манифестанты, которые с криками «Ура!» бросались качать на руках проходивших или проезжавших мимо на пролетках офицеров¹⁰⁰.

В тот же день приблизительно в 10 часов вечера в Москве на Тверской улице у памятника М. Д. Скобелеву началась стихийная демонстрация в защиту Сербии, в которой приняли участие представители всех сословий столицы. Она продолжалась до двух часов ночи, демонстранты прорвались к австрийскому консульству, на защиту которого пришлось вызывать жандармов. 16 (29) июля по инициативе объединенных славянских обществ в Казанском соборе был отслужен молебен за победу сербского оружия. В Петербурге, Одессе, Киеве, Саратове, Ростове-на-Дону, Николаеве, Ялте и других городах России прошли демонстрации в защиту Сербии. 18 (31) июля полностью прекратились забастовки в Петербурге, успокоился и Путиловский завод¹⁰¹. М. В. Родзянко, приехавший в столицу накануне объявления войны, был поражен масштабами рабочих демонстраций, незадолго до этого строивших на улицах баррикады¹⁰².

16 (29) июля принц Александр Карагеоргиевич обратился с манифестом к своему народу¹⁰³. Через несколько дней слова его обращения были опубликованы в русской прессе: «Моим доблестным и дорогим сербам! Великое зло обрушилось на нашу Сербию. Австро-Венгрия объявила нам войну. Теперь все мы должны быть единомышленными и показать себя героями. Всякий раз, когда Вена была заинтересована, то самые торжественные обещания давались сербам, что с ними будут поступать справедливо. Но это осталось неисполненным. Напрасно на сербских и хорватских границах столько наших героев пролили кровь за величие и интересы Венского двора. Напрасны были жертвы, принесенные Сербией во время правления моего деда для спасения кесарского престола от бунтовавших против него народов. Напрасно старалась Сербия всегда жить в дружбе с соседней монархией. Все это было ни к чему. Сербия как государство и народ подвергались всегда и всюду подозрениям, были унижаемы перед другими народами. 36 лет тому назад Австрия заняла сербские земли – Боснию и Герцеговину.

Шесть лет тому назад она присвоила их себе без всякого права, обещав им конституционную свободу. Все это породило глубокое неудовольствие среди народа, особенно молодежи, и привело к отпору и сараевскому покушению. Сербия искренне оплакивала это злосчастное происшествие, осудила его и выразила готовность предать суду соучастников его. Скоро Сербия с изумлением увидела, что Австрия возлагает ответственность за покушение не на свое дурное управление или отдельных виновников, но на все Королевство сербское, несмотря на то что убийство совершил один человек – ее подданный, на глазах ее властей, Австрия обвинила в нем сербских чиновников и офицеров, правительство и все королевство. Такое обвинение независимого государства в преступлении иностранного подданного – единственное в истории Европы»¹⁰⁴. У сербов не было иного пути, кроме как быть героями.

Те из них, кто жил в России, узнав о начале мобилизации, торопились попасть домой. В последние дни июля поезда, следовавшие к румынской границе, были забиты мужчинами призывного возраста, люди сидели на ступеньках и даже на крышах вагонов¹⁰⁵. Значительное количество подданных Сербского королевства война захватила в Австро-Венгрии. Поскольку защита интересов Сербии по просьбе Белграда была передана России, австрийская полиция сделала все возможное, чтобы не допустить этих людей до русского посольства и консульств. Подступы к этим зданиям были блокированы, входящие и выходящие из них подвергались аресту. Репрессий не избежали даже русские подданные, несмотря на то что Австро-Венгрия и Россия еще не разорвали дипломатические отношения друг с другом¹⁰⁶. Положение сербов, не успевших воспользоваться правом экстерриториальности, было ужасным. На улицах Вены проходили многотысячные демонстрации. Тех, кто казался толпе похожим на серба, зверски избивали¹⁰⁷. «На сербов по всей Австрии со дня объявления войны была устроена форменная облава: за ними охотились и в домах, и на улицах, – докладывал управляющий русским Генеральным консульством в Вене в Петербург, – их немедленно арестовывали и заключали в тюрьмы, так что через 2–3 дня на свободе ни одного серба, кроме их жен и детей, не осталось»¹⁰⁸.

Австрийцы рассчитывали совершить победоносную кампанию молниеносно. Их Генеральный штаб планировал захватить Белград, а затем, двинувшись по долинам рек Моравы и Колубара, быстро проникнуть в глубь страны и захватить Крагуевац, основной сербский арсенал. Австровенгерской армии противостояло всего 12 сербских пехотных и одна кавалерийская дивизии, численность которых по завершении мобилизации составила 247 тыс. человек. 40-тысячная группировка (пограничная стража, жандармерия и 48 кадровых армейских батальонов) была развернута в Македонии и Косово. Дух сербской армии был высоким, в ее рядах находилось большое количество офицеров и солдат, имевших недавний боевой опыт¹⁰⁹. Непосредственную помощь Сербии могла оказать только Черногория, отказавшаяся от предложенного ей Веной нейтралитета и ответившая на это предложение объявлением войны. Однако 40-тысячная черногорская армия при высоких индивидуальных качествах ее бойцов представляла собой скорее ополчение, которое легче было использовать при обороне собственной территории, чем при наступлении¹¹⁰.

Австрийская артиллерия начала обстреливать сербскую столицу, в результате около трети строений города было повреждено снарядами, а вся прибрежная часть выгорела¹¹¹. Армейской артиллерии активно помогала Дунайская флотилия. Только со 2 по 17 августа ее мониторы провели восемь интенсивных обстрелов Белграда¹¹², от которых пострадали здания, принадлежавшие гражданским лицам, университет, городская библиотека, музей, табачная фабрика. Несколько позже корреспондент «Таймс» писал: «Бомбардировка Белграда займет место в ряду непростительных актов вандализма, которые позорят европейскую войну. Она была не спровоцирована, не имела никакого военного значения и могла иметь в качестве цели

только дикое разрушение частной и государственной собственности»¹¹³. Иностранцы спешно покидали город, по словам очевидца, «окутанный дымом и пламенем пожаров, возникших в результате вражеской бомбардировки»¹¹⁴. Бежали и горожане. «Когда на вокзал прибыл поезд, предназначенный для дипломатического корпуса, – вспоминал немецкий посланник в Сербии, – на него бросились все, кто только мог... Нас девяттеро сидело в одном купе с затекшими от усталости ногами. Мы миролюбиво дремали в течение ночи, положив уставшие головы на плечи будущих неприятелей»¹¹⁵.

Встретившись в очередной раз с Э. Греем в Лондоне, германский посол изложил видение своего правительства на дальнейшее развитие кризиса: наказание Сербии и ее оккупация австрийскими войсками вплоть до полного выполнения требований, изложенных в ультиматуме Вены¹¹⁶. 27 июля, вернувшись в Берлин с Кильской регаты, Вильгельм II отправил российскому императору письмо. Апеллируя к чувству монархической солидарности, он, безусловно, считал ответственным за сараевское убийство сербское правительство, кайзер призывал: «Принимая во внимание сердечную и нежную дружбу, связывающую нас в продолжение многих лет, я употребляю все свое влияние для того, чтобы заставить австрийцев действовать открыто, чтобы была возможность прийти к удовлетворяющему обе стороны соглашению с тобой. Я искренно надеюсь, что ты придешь мне на помощь в моих усилиях сгладить затруднения, которые все еще могут возникнуть»¹¹⁷.

Николай II немедленно ответил: «Рад твоему возвращению. В этот серьезный момент я прибегаю к твоей помощи. Позорная война была объявлена слабой стране. Возмущение в России, вполне разделяемое мною, безмерно. Предвижу, что очень скоро, уступая производящемуся на меня давлению, я буду вынужден принять крайние меры, которые поведут к войне. Стремясь предотвратить такое бедствие, как европейская война, я умоляю тебя во имя нашей старой дружбы сделать все возможное в целях недопущения твоих союзников зайти слишком далеко»¹¹⁸. Россия предлагала провести конференцию по урегулированию конфликта, но эти предложения были отвергнуты Берлином¹¹⁹.

15 (28) июля в своем докладе Совету министров начальник Главного управления Генерального штаба генерал Н. Н. Янушкевич отметил, что для действий против Сербии Австро-Венгрия не нуждается в мобилизации, даже частичной, между тем как она ведется в том числе и в пограничной с Россией Галиции, что создает опасность для русской границы и требует принятия мер для обеспечения ее безопасности¹²⁰. Николай II вынужден был отдать приказ о мобилизации, причем сначала он хотел ограничиться частичной, затрагивающей только четыре военных округа, не нацеленных против Германии. Он надеялся сохранить возможность мирного решения. Однако в русском Генеральном штабе существовал лишь план общей мобилизации, так как военные не сомневались, что Австро-Венгрия будет поддержана Германией, которая фактически уже начала мобилизацию. В этой обстановке частичная мобилизация могла привести к путанице и непоправимым потерям на первом этапе войны.

В 1912 г. в ведомстве генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба русской армии появились планы «А» и «Г». Оба они подлаживались под возможные действия Германии. В случае немецкого наступления на Францию вводился в действие план «А» – одновременное наступление в Галиции и Восточной Пруссии при более значительном распределении сил в первой фазе войны против Австро-Венгрии. В пользу этого плана было то глубокое политическое значение, которое могла приобрести победа над Австро-Венгрией в ее славянских землях, а также в Италии и на Балканах. План «Г» принимался в случае нанесения Германией главного удара по России. Он был оборонительным и предусматривал отступление в глубь страны, вплоть до района Полесья. В отличие от плана «А» план «Г» детально не разрабатывался, поскольку возможность такого развития событий считалась маловероятной¹²¹.

Основным планом действий русской армии, таким образом, становился план «А». В его основу были положены охват противника в Галиции – для этого выделялось 16 корпусов и в Восточной Пруссии – девять корпусов. Против Германии выделялось 33,7 %, против Австро-Венгрии – 52,2 % и в стратегический резерв – 14,1 % всех сил.

«Такое расположение сил, – отмечал С. К. Добророльский, – указывало на желание вести борьбу одинакового характера на всем русском фронте. Накопление главной массы войск против одного из двух противников не чувствуется в плане развертывания»¹²². В случае успеха на этих направлениях русский фронт сокращался приблизительно на 500 км, и открывалась перспектива наступления на Силезию и Берлин со стороны среднего течения Вислы. Три корпуса 6-й армии под Петербургом становились резервом Верховного главнокомандующего. Так распределялись 28 русских корпусов, главным противником считалась Германия, но для ее разгрома предполагалось сначала обеспечить тыл русских войск против возможных действий австро-венгерской армии и оказать помощь Франции. «Обе эти задачи, – вспоминал Ю. Н. Данилов, – одинаково важные, наилучшим образом разрешались собственным энергичным вторжением в пределы Восточной Пруссии, служившей естественным плацдармом для сбора германских войск, против нас оставляемых, и нанесением этим войскам решительного поражения»¹²³.

Именно последовательная реализация этого плана, по мнению генерала В. Гренера, могла поставить Германию и ее союзницу в катастрофическое положение. Единственным отступлением от этого плана он видел оставление слишком крупных сил под Петербургом. Корпуса оставались для защиты столицы – фактически это был стратегический резерв, оказавшийся бесполезным ввиду его отдаленности. «Быть может, для русских, с оперативной точки зрения, вообще было бы правильнее сначала с еще большим превосходством уничтожающе разбить германцев в Восточной Пруссии, по крайней мере отбросить их за Вислу, и лишь тогда обратиться против австро-венгерской армии. Последняя между тем продвинулась бы между Вислой и Бугом к северу и тем самым подставила бы длинный фланг русскому наступлению от Ровно и Проскурова. Если бы таким путем русским удалось очень большими силами быстро проникнуть вдоль Карпат через Львов и Станиславов к Верхней Висле, то австро-венгерской армии между Бугом и Вислой едва ли оставалось что-либо другое, как отходить в высшей степени неблагоприятных условиях по левому берегу Вислы в Западную Польшу. Чего смогли бы достигнуть русские при такой операции? *Объединенного наступления всех сил прямо на Берлин. Они могли бы гнать перед собой обоих своих противников, причем им нужно было бы стремиться только к тому, чтобы в Силезии перейти на левый берег Одера возможно крупными силами* (выделено мной. – А. О.)»¹²⁴.

На достижение этой цели и был направлен план «А», русская армия должна была наступать по всему фронту от Ковно до Каменец-Подольска. Идея плана, утвержденного 23 сентября 1913 г., звучала просто и ясно: «Переход в наступление против вооруженных сил Германии и Австро-Венгрии с целью перенесения войны в их пределы»¹²⁵. Французы не сомневались в том, что центр тяжести русского удара будет перемещен на германский фронт – такова была его логика. Кстати, уже в ходе мобилизации 1914 г. под Варшавой стала собираться новая армия для будущего наступления на Берлин, в результате Северо-Западный фронт увеличился на два корпуса (33,5 пехотной и 9,5 кавалерийской дивизий – 11 корпусов), а Юго-Западный сократился на один корпус (46 пехотных и 18,5 кавалерийской дивизий – 16 корпусов)¹²⁶. Таким образом, русские военные не обманули союзников в своих первичных планах, они готовились наступать на двух стратегических направлениях, и приведенные ими цифры довольно точно совпадают с указанными выше. Про Константинополь же в это время никто не думал, в чем вскоре опять пришлось убеждать союзников¹²⁷.

«План стратегического развертывания, который начал реализоваться с началом мобилизации 1914 г., – отмечал генерал В. И. Гурко, – был основан на... нанесении основного удара по Австрии и затем наступлении против Германии»¹²⁸. На самом деле вместо решающего удара русское командование готовило две одновременные изолированные подготовительные к нему операции: «Сложность этих задач потребовала разделения в начале войны наших сил *и одновременного наступления как против германцев*, во исполнение союзного договора с Францией, *так и против австрийцев* (выделено мной. – А. О.), являвшихся в этот период времени на нашем фронте главенствующей боевой силой. В этом раздвоении наступательной задачи, несомненно, заключалось слабое место нашей отечественной стратегии»¹²⁹. К этому остается добавить, что выбора как такового у России не было: она вынуждена была учитывать опасность, одновременно исходившую от вероятно пассивного в начале войны германского и безусловно активного австрийского фронтов.

Итак, центр интересов русской стратегии лежал в Восточной Пруссии: германское наступление против Франции предоставляло России возможность использовать несколько недель для исправления ситуации на северном фланге Царства Польского. В то же время центр тяжести мобилизованной русской армии находился на австрийском направлении. То, что австрийцы начнут наступать, никто не сомневался, разногласия касались только возможного направления главного удара. Штаб Киевского округа считал, что австрийцы будут наступать на восток, в сторону Украины, в то время как в ГУГШ предполагали (и оказались правы), что они нанесут удар на север, в тыл русской Польше. Соотношение сил, выделяемых для германского и австро-венгерского фронтов, равнялось одной трети и двум третям – в результате ни на одном из них у России не было решающего превосходства¹³⁰. На первом этапе войны оборона на первом фронте исключалась по соображениям союзной стратегии, а на втором – из совокупности собственных интересов. Успех встречного наступления в Галиции и наступления с недостаточными силами в Восточной Пруссии зависел теперь только от мастерства вождения войск, подготовки штабов и частей, продуманности этих операций, расчета.

На следующий день после начала обстрела Белграда в России была объявлена мобилизация четырех военных округов. Это решение принималось с большим трудом. Уже вечером 15 (28) июля в ГУГШ были готовы проекты двух приказов – о частной и общей мобилизации. В 11 часов утра 16 (29) июля Ф. фон Пурталес вновь посетил С. Д. Сазонова и от лица своего императора предложил сотрудничество. В этот момент, отмечал С. Д. Сазонов, «я мог надеяться, что на этот раз германское правительство согласится, наконец, употребить свое влияние в Вене, чтобы убедить Бертольда в необходимости большей сговорчивости. Утром 29 июля мы еще не получили известий о переходе австрийцами сербской границы, зато в Главный штаб постоянно доходили известия о мобилизационных мерах на русской границе в Галиции, о начале которых мы были извещены уже несколько дней перед тем и которые, по нашим сведениям, были почти закончены к этому времени. Германия, по словам графа Пурталеса, продолжала настаивать на непосредственных переговорах между Веной и Петроградом, на которые Австро-Венгрия по-прежнему не соглашалась»¹³¹

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.